

Гарри Поттер и Дары Смерти

Автор:

Джоан Роулинг

Гарри Поттер и Дары Смерти

Джоан Кэтлин Роулинг

Гарри Поттер #7

«Отдайте мне Гарри Поттера, – сказал голос Вольдеморта, – и останетесь целы. Отдайте Гарри Поттера, и я не трону замок. Отдайте Гарри Поттера, и будете вознаграждены».

Забираясь в коляску мотоцикла Огрида и взмывая в небо, чтобы больше не вернуться на Бирючинную улицу, Гарри Поттер знает, что Лорд Вольдеморт и Упивающиеся Смертью совсем рядом. Защитное заклятие, хранившее Гарри до сих пор, рассеялось, но он не может постоянно прятаться. Черный Лорд пропитывает страхом все, что любит Гарри. Чтобы остановить Вольдеморта, мальчику нужно найти и уничтожить оставшиеся окаянты. Пришло время последней битвы – Гарри придется встретиться со своим врагом лицом к лицу...

Дж. К. Роулинг

Гарри Поттер и Дары Смерти

Посвящение в этой книге разбито на семь частей: Нилу, Джессике, Дэвиду, Кензи, Ди, Энн и вам, если вы оставались с Гарри до конца

О родовой недуг,

Вечно живая рана!

Крови напев немолчный, —

Увы!

Давний напев нестройный, —

Увы!

Неусыпимый веред!

В язвину вложит кто

Зелий целебных силу?

«В дом не придет чужой врач.

Раздор

Сам себя съест в потомках».

Богов

Слышу напев подземный.

О блаженный собор, в преисподней живой!

Умолению внемли, укрепленье пошли

Агамемнона чадам к победе.

Эсхил. Плакальщицы[1 - Пер. Вяч. Иванова.]

Смерть лишь пересекает мир, как друзья переплывают моря, друг в друге пребывая как прежде. Ибо потребно существовать им, кто любит и живет в вездесущем. В сем божественном стекле взирают они лицом к лицу, и разговор их прост и равно чист. Се утешение друзьям: пусть умирают они, однако дружба их и общество в наилучшем смысле непреходящи, ибо бессмертны.

Уильям Пенн. Новые плоды одиночества

Глава первая

Воцарение Черного Лорда

Узкая улочка утопала в лунном свете. Внезапно из пустоты возникли двое – и оба замерли, целя друг в друга волшебными палочками. Миг спустя узнали друг друга, спрятали палочки под плащи и деловито зашагали рядом.

– Есть новости? – спросил тот, что повыше.

– Самые замечательные, – ответил Злотеус Злей.

Слева низко росла дикая ежевика, справа стеной возвышалась аккуратно подстриженная живая изгородь. Двое шли; длинные плащи хлопали по ногам.

– Боялся, что опоздаю, – сказал Гнусли. Ветви деревьев низко нависали над головами, и его грубое лицо появлялось и пропадало в стробоскопе лунного света. – Все оказалось не так просто, как я думал. Ну, лишь бы он был доволен. А ты-то, похоже, рассчитываешь на благосклонный прием?

Злей кивнул, но промолчал. Они свернули направо на широкую аллею и, следуя извиву изгороди, достигли массивных кованых ворот. Те были заперты, но визитеров это не смутило: оба подняли левую руку, будто салютуя, и прошли сквозь прутья решетки, как сквозь дым.

Тисовые кусты приглушали стук подошв. Неожиданно справа зашуршало. Гнусли выхватил палочку и через голову своего спутника прицелился, но затем понял, что испугался белоснежного павлина, который величественно расхаживал по живой изгороди.

– Ох уж этот Люциус... сибарит. Павлины!.. – Гнусли презрительно фыркнул и сунул палочку под плащ.

В конце прямой подъездной аллеи из темноты вырос прекрасный особняк, мерцающий окнами первого этажа из-за ромбов решеток. Где-то за кустами, в саду, бил фонтан. Злей и Гнусли, ускорив шаг и хрустя гравием, подошли к двери, и та распахнулась перед ними сама собой.

Каменный пол просторного, тускло освещенного роскошного холла устилал великолепный ковер. Бледные лица с портретов пристально следили за прибывшими. Злей и Гнусли остановились перед тяжелой деревянной дверью в гостиную, переждали краткое мгновение – и Злей решительно повернул бронзовую ручку.

В гостиной за длинным резным столом молча сидело большое собрание. Всю мебель отодвинули к стенам. В камине, отделанном чудным мрамором, с зеркалом в золоченой раме над полкой, гудел огонь – он и освещал комнату. Злей и Гнусли застыли на пороге, осваиваясь в сумраке, – и скоро их глаза невольно обратились к самому странному здесь: человеку, висевшему без сознания вверх ногами над столом. Отражаясь в зеркале и в полированной столешнице, фигура медленно, точно на невидимой веревке, вращалась. Но это экстраординарное обстоятельство, похоже, не интересовало решительно никого, кроме бледного юноши, который сидел почти под висющим телом и ежеминутно, как будто невольно, поглядывал вверх.

– Гнусли, Злей, – раздался ясный пронзительный голос с дальнего конца стола. – Вы едва не опоздали.

Камин за спиной говорившего мешал разглядеть его лицо и высвечивал только силуэт в кресле. Однако чем ближе подходили Злей и Гнусли, тем отчетливее во мраке вырисовывалась безволосая змееподобная голова, ноздри-щели, горящие красные глаза с вертикальными зрачками. Кожа, неестественно бледная, жемчужно светилась в темноте.

– Злотеус, сюда. – Вольдеморт указал на место справа от себя. – Гнусли – к Долохову.

Вновь прибывшие сели. Большинство глаз устремилось к Злею, и к нему же обратился Вольдеморт:

– Итак?

– Милорд, в следующую субботу на закате Орден Феникса увозит Гарри Поттера из нынешнего убежища.

Все явно разволновались: напряглись, заерзали, неотступно следя за Вольдемортом и Злеем.

– В субботу... на закате, – повторил Вольдеморт. Его красные глаза вонзились в черные глаза Злея так свирепо, что кое-кто отвернулся, будто спасаясь от этого испепеляющего взгляда. Злей, впрочем, встретил его спокойно, и вскоре безгубый рот Вольдеморта искривился в подобии улыбки. – Хорошо. Очень хорошо. И эта информация получена от...

– ...источника, о котором мы говорили, – подтвердил Злей.

– Милорд.

Гнусли подался вперед, глядя во главу стола, на Вольдеморта и Злея. Все обернулись.

– Милорд, я слышал иное.

Он сделал паузу, но и Вольдеморт молчал, так что Гнусли продолжил:

– Давлиш, аврор, проболтался, что мальчишку увезут лишь вечером тридцатого – то есть накануне его семнадцатилетия.

Злей улыбался:

– По сведениям из моих источников, нас собирались пустить по ложному следу; видимо, это он и есть. Давлиш наверняка был под заморочным заклятием. Что же, не в первый раз – он вообще податлив.

– Заверяю вас, милорд, Давлиш говорил со всей убежденностью, – сказал Гнусли.

– Естественно, раз он заморочен, – хмыкнул Злей. – Но заверяю вас, Гнусли, что авроры больше не будут охранять Поттера. Орден считает, что министерство захвачено нашими людьми.

– Хоть до этого дотумкали! – Коренастый мужчина, сидевший недалеко от Гнусли, сипло хохотнул, и его смешок эхом повторился тут и там за столом.

Вольдемо́рт остался невозмутим. В глубокой задумчивости он взирал на медленно крутившееся тело.

– Милорд, – продолжал Гнусли, – по словам Давлиша, для переправки мальчишки соберется целая бригада авроров...

Вольдемо́рт одним взмахом большой белой руки прервал Гнусли и повернулся к Злею. Гнусли глядел на них с беспомощной обидой.

– Где его спрячут?

– У кого-то из членов Ордена, – ответил Злей. – На дом, если верить источнику, наложены все защитные заклинания, известные Ордену и министерству. Полагаю, милорд, шансы взять Поттера там крайне малы. Если, разумеется, министерство не падет до следующей субботы. Тогда большую часть заклинаний мы сумеем обнаружить и нейтрализовать, а через остальные, не сомневаюсь, прорвемся.

– Что скажешь, Гнусли? – осведомился Вольдемо́рт, и огонь камина странно сверкнул в его глазах. – Падет министерство к следующей субботе?

И опять все головы повернулись к Гнусли. Тот приосанился.

– Господин, на этот счет у меня хорошие новости. Мне – ценою больших усилий – удалось наложить проклятие подвластия на Донельза Ретивса.

Судя по лицам, заявление произвело эффект. Долохов, человек с длинным перекошенным лицом, одобрительно хлопнул Гнусли по спине.

– Для начала неплохо, – проговорил Вольдемо́рт. – Но Ретивс – это капля в море. Прежде чем начну действовать я, Скримджера необходимо окружить нашими людьми. Одно неудачное покушение на министра – и я буду отброшен далеко назад.

– Вы, безусловно, правы, милорд... Однако Ретивс – глава департамента защиты магического правопорядка, он постоянно общается не только с министром, но и с начальниками других отделов. Имея под контролем столь важное официальное

лицо, мы легко подчиним прочих, а все вместе они уж как-нибудь свергнут Скримджера.

- Да, если только нашего друга Ретивса не разоблачат раньше, чем он перевербует остальных, - бросил Вольдемор. - Так или иначе, до следующей субботы министерство вряд ли станет моим. И, коль скоро на новом месте добраться до мальчишки будет невозможно, надо перехватить его по дороге.

- Здесь мы в выгодном положении, господин. - Гнусли явно стремился выслужиться. - Мы внедрились несколько наших в департамент волшебных путей сообщения. Если Поттер аппарирует или использует кружаную сеть, мы узнаем тотчас же.

- Он не сделает ни того ни другого, - сказал Злей. - Орден избегает средств транспортировки, находящихся в подчинении министерства, - он вообще министерству не доверяет.

- Тем лучше, - отозвался Вольдемор. - Поттеру придется перемещаться в открытую. Легче брать.

Он опять взглянул на крутящееся тело и продолжил:

- Я лично займусь мальчишкой. С ним много напортачили, в том числе и я сам. Он жив благодаря моим промахам, а не своим победам.

Все в страхе смотрели на Вольдеморта - каждый явно опасался, что персонально на него возложат вину за живучесть Гарри Поттера. Однако Вольдемор, похоже, разговаривал больше сам с собой и обращался к бесчувственному телу под потолком:

- Я был беспечен, и от меня отвернулась удача, мне изменил случай - эти злые недруги непродуманных планов. Теперь я мудрее. Я постиг много нового. Я сам должен убить Гарри Поттера, и я это сделаю.

Будто в ответ на его слова откуда-то раздался страшный протяжный стон, полный отчаяния и боли. Многие за столом вздрогнули и опустили глаза: крик, казалось, шел из-под ног.

– Червехвост, – задумчиво, не повышая голоса, произнес Вольдемор, не сводя глаз с вращающегося тела, – разве я не просил тебя следить за нашим пленником?

– Да, м-мой господин, – проскулил человечек, сидевший чуть дальше, – он сполз на сиденье так низко, что его стул на первый взгляд казался пустым. Сейчас человечек слез и заспешил прочь из комнаты, оставляя за собой странное серебристое свечение.

– Как я уже сказал, – продолжал Вольдемор, вглядываясь в напряженные лица своих последователей, – мне многое стало ясно. Например: чтобы убить Поттера, мне придется позаимствовать у кого-то из вас волшебную палочку.

Слова потрясли собрание так, словно он просил пожертвовать руку.

– Нет желающих? – процедил Вольдемор. – Что ж, посмотрим... Люциус! Мне представляется, тебе палочка больше не нужна.

Люциус Малфой поднял взгляд. В свете камина лицо отдавало восковой желтизной, глаза потемнели и запали. Когда он заговорил, голос прозвучал хрипло:

– Милорд?

– Волшебную палочку, Люциус. Я прошу твою палочку.

– Я...

Малфой покосился на такую же бледную жену. Ее длинные светлые волосы ниспадали по спине, и она неподвижно смотрела прямо перед собой, но под столом на мгновение сомкнула тонкие пальцы на запястье мужа. Малфой достал из-под мантии волшебную палочку и протянул Вольдеморту. Тот поднес ее к лицу и внимательно осмотрел:

– Что это?

– Вяз, господин, – прошептал Малфой.

– А сердцевина?

– Дракон... Сердечная жила дракона.

– Хорошо. – Вольдеморту достал свою палочку и сравнил обе по длине.

Люциус Малfoy произвольно подался вперед, словно рассчитывая получить взамен палочку Вольдеморта. Тот заметил движение, и его горящие красные глаза издевательски расширились:

– Хочешь мою волшебную палочку, Люциус?

Мою?

Вкруг стола послышались смешки.

– Я дал тебе свободу, неужто мало? И, однако, я вижу, ваша семья в последнее время не слишком счастлива... Чем тебя не устраивает мое присутствие в твоём доме?

– Устраивает... Всем устраивает, милорд!

– Какое пошлое лицемерие, Люциус...

Злые губы уже не двигались, но шипение продолжалось, становилось громче, и кое-кто из колдунов невольно содрогнулся: под столом скользило нечто громадное.

Гигантская, как будто бесконечная змея вползла к Вольдеморту в кресло и разлеглась на его плечах. Шея толщиной с человеческое бедро, глаза с немигающими вертикальными зрачками. Вольдеморту, не сводя глаз с Люциуса Малfoя, рассеянно погладил змею длинными тонкими пальцами.

– Отчего же Малfoи так недовольны своей участью? Разве не о моем возвращении к власти вы мечтали много лет?

– Конечно, милорд. – Люциус Малфой дрожащей рукой отер пот с верхней губы. – Всегда мечтали – и мечтаем по сей день.

Жена Малфоя, слева от него, скованно, избегая смотреть на Вольдеморта и его змею, кивнула. Драко Малфой, который сидел справа от отца и почти не сводил глаз с бесчувственного тела над столом, глянул на Вольдеморта и тут же отвернулся, страшась встретиться с ним взглядом.

– Господин, – волнуясь, сдавленно произнесла женщина с тяжелыми веками, выглядывая из-за Нарциссы, – ваше пребывание в нашем родовом поместье – честь для семьи. Величайшее счастье.

И внешне, и поведением она была полной противоположностью сестре. Нарцисса застыла прямая как гвоздь и невозмутимая; темноволосая Беллатрикс же всем телом тянулась к Вольдеморту – ибо простые слова не могли передать огромности ее преклонения.

– Величайшее счастье, – повторил Вольдеморт. Чуть склонив голову набок, он внимательно рассматривал Беллатрикс. – Приятно слышать, Беллатрикс, особенно от тебя.

Ее щеки залил румянец, в глазах блеснули слезы восторга.

– Господин знает, что это истинная правда!

– Величайшее счастье... Что, даже в сравнении с радостным событием в вашей семье, которое, я слышал, имело место на этой неделе?

Беллатрикс уставилась на него, приоткрыв рот, явно озадаченная:

– Я не понимаю, о чем вы, господин.

– О твоей племяннице, Беллатрикс. И о вашей, Нарцисса, Люциус. Которая на днях вышла замуж за оборотня Рема Люпина. Вы, полагаю, гордитесь родственницей?

Собравшиеся оскорбительно расхохотались. Многие подались вперед, злорадно переглядываясь, кое-кто застучал кулаками по столу. Огромной змее не понравился шум, и она, разинув пасть, злобно зашипела, но Упивающиеся Смертью не услышали – так восторженно приветствовали они унижение Беллатрикс и Малфоев. Лицо Беллатрикс, еще недавно розовое от счастья, пошло некрасивыми красными пятнами.

– Она нам не племянница, господин! – возопила Беллатрикс, стараясь перекричать ликующий гвалт. – Мы с Нарциссой ни разу не видели сестры с тех пор, как она вышла за мугродье. И ни ее дворняжка-дочь, ни животное, за которое она вышла замуж, не имеют к нам ни малейшего отношения!

– А ты что скажешь, Драко? – поинтересовался Вольдемор, тишайшим голосом перекрыв и хохот, и улюлюканье. – Будешь нянчить волчат?

Безобразное веселье продолжилось; Драко в ужасе посмотрел на отца, но тот сидел, опустив голову и разглядывая собственные колени. Взгляд Драко переметнулся к матери. Та почти неуловимо качнула головой и снова пусто воззрилась на стену.

– Хватит, – оборвал потеху Вольдемор, поглаживая растревоженную змею. – Довольно.

Гогот стих.

– Почти всякое фамильное древо подгнивает со временем, – изрек Вольдемор. Беллатрикс, затаив дыхание, жадно ловила каждое его слово. – И тогда его следует обрезать. Убирать большие ветви ради здоровья оставшихся.

– Да, господин, – прошептала Беллатрикс, и глаза ее наполнились слезами благодарности. – При первой возможности!

– Она у вас будет, – пообещал Вольдемор. – И в вашей семье, и везде... Мы удалим гниль... Очистим кровь...

Вольдемор направил волшебную палочку Люциуса Малфоя на тело, медленно вращавшееся над столом, и легонько ею взмахнул. Жертва очнулась, застонала

и задергалась, вырываясь из невидимых пут.

– Узнаёшь гостью, Злотеус? – осведомился Вольдеморт.

Злей поднял глаза к перевернутому лицу. Упивающиеся Смертью, словно получив наконец разрешение полюбопытствовать, жадно уставились на несчастную. Та, оказавшись лицом к камину, хрипло, испуганно взмолилась:

– Злотеус! Помогите!

– А... да, – сказал Злей. Ее тем временем снова повернуло.

– А ты, Драко? – спросил Вольдеморт, свободной рукой поглаживая морду змеи.

Драко нервно дернул головой. Было ясно, что теперь, когда женщина пришла в сознание, он уже не в силах на нее смотреть.

– Но ты бы и не стал у нее заниматься, – подбодрил Вольдеморт. – Кстати, для непосвященных: сегодня нас почтила своим присутствием Мируша Милейдж, до недавнего времени – преподаватель «Хогварца», школы колдовства и ведьминских искусств.

С разных концов стола донеслись возгласы – о Мируше Милейдж слышали. Толстая сгорбленная старуха с острыми зубами неприятно хихикнула.

– Да... Профессор Милейдж рассказывала детишкам ведьм и колдунов о муглах... о том, как они практически ничем не отличаются от нас...

Один Упивающийся Смертью сплюнул на пол. Мируша Милейдж опять оказалась лицом к Злею.

– Злотеус... Прошу вас... Умоляю...

– Молчать! – приказал Вольдеморт, еще раз легонько взмахнул палочкой Малфоя и будто заткнул Мируше рот кляпом. – Профессору Милейдж показалось мало морочить головы детям колдунов, и на прошлой неделе она разразилась пылкой статьей в «Оракуле» в защиту мугродья. Колдуны, утверждает она, должны

признать этих негодяев, нагло ворующих наши тайные знания. Если верить профессору, сокращение числа чистокровных колдунов можно только приветствовать... Дай ей волю, она заставила бы нас всех спариваться с муглами... а также, полагаю, и с оборотнями...

Никто не засмеялся – так явственно звучали ярость и презрение в голосе Вольдеморта. В третий раз Мируша Милейдж умоляюще посмотрела на Злея. Слезы ручьями стекали вниз, ей в волосы. Злей остался бесстрастен; несчастную женщину снова медленно повернуло.

– Авада Кедавра.

Зеленая вспышка ярко озарила комнату. Мируша рухнула на стол, и тот дрогнул и заскрипел. Несколько Упивающихся Смертью подскочили, отпрянули. Драко упал на пол.

– Ужинать, Нагини, – ласково шепнул Вольдеморт, и огромная змея враскачку сползла с его плеч на полированную столешницу.

Глава вторая

In Memoriam

У Гарри шла кровь. Зажав правую руку левой и ругаясь вполголоса, он плечом открыл дверь своей спальни. Хрустнул фарфор: Гарри наступил на чашку с холодным чаем, оставленную на полу за порогом.

– Что за?..

Гарри огляделся; лестничная площадка дома № 4 по Бирючинной улице была пуста. Фокусы Дудли? Надо же, вот ведь умница, подложил бомбу. Гарри, держа кровоточащий палец на весу, одной рукой собрал осколки и бросил их в мусорную корзину, и без того переполненную. А затем направился в ванную – сунуть палец под воду.

Какая глупость, идиотизм и бессмыслица, что ему еще целых четыре дня нельзя колдовать!.. Правда, порез он все равно бы не вылечил. Огромный пробел в образовании – учитывая его планы на жизнь. Не забыть спросить у Гермионы, как это делается. А пока он отмотал побольше туалетной бумаги, промокнул, сколько смог, пролитый чай и захлопнул за собой дверь комнаты.

Утро Гарри провел, вытрясая школьный сундук – впервые за шесть лет учебы. Обычно перед началом учебного года он вытаскивал примерно три четверти содержимого сверху, менял старые вещи на новые или складывал старые обратно, не касаясь всякой ерунды на дне: негодных перьев, сушеных жучиных глаз, одиноких носков, маленьких и давно лишившихся пары. И вот только что, запустив руку в глубь этой мульчи, он сильно поранил правый безымянный палец.

Теперь Гарри действовал аккуратней. Он встал на колени перед сундуком, осторожно пошарил внутри и достал значок, поочередно мигавший надписями «БОЛЕЙ ЗА СЕДРИКА ДИГГОРИ» и «ПОТТЕР – ВОНЮЧКА», старый треснувший горескоп, золотой медальон с посланием, подписанным инициалами Р. А. Б., а затем и то, обо что порезался. Этот предмет он мгновенно узнал: двухдюймовый осколок волшебного зеркала, когда-то подаренного покойным Сириусом. Гарри отложил осколок и осторожно ощупал дно сундука в поисках других кусочков, однако от последнего дара крестного не осталось ничего, кроме блескучей стеклянной крошки, запорошившей придонный хлам.

Гарри сел и осмотрел осколок, однако увидел в нем только собственный ярко-зеленый глаз. Положил осколок на кровать, на свежий, непрочитанный выпуск «Оракула» и всерьез взялся за мусор в сундуке: прочь, горькие воспоминания и напрасные сожаления, связанные с этим зеркалом!

На опустошение сундука ушел час. Гарри выбросил ненужное, а остальное разложил по кучкам: что взять с собой, что нет. Школьные и квидишные мантии, котел, пергамент, перья, большинство учебников останутся лежать в углу комнаты. Интересно, как поступят с ними Дурслеи? Наверное, сожгут во тьме ночной, как улики страшного преступления. Дальше: мугловая одежда, плащ-невидимка, набор для зельеделия, кое-какие книги, альбом с фотографиями (подарок Огрида), пачка писем и волшебная палочка. Все – в старый рюкзак. В переднем кармане – Карта Каверзника и медальон с запиской Р. А. Б. Почетное место медальон заслужил не ценностью – по сути, он ничего не стоил, – а тем, какими страданиями за него заплачено.

За лето на столе рядом с клеткой полярной совы Хедвиги образовалась кипа газет: по одной за каждый день пребывания Гарри на Бирючинной улице.

Гарри встал с пола, потянулся, подошел к столу и начал перебирать газеты, безжалостно выкидывая их в мусор. Хедвига сидела не шевелясь. Она спала – либо притворялась: злилась на хозяина, что ее теперь редко выпускают из клетки.

Стопка порядком уменьшилась, и Гарри сбавил темп, просматривая газеты внимательней: искал один номер, вышедший, насколько он помнил, в самом начале каникул. В передовице еще упоминалось об отставке Мируши Милейдж, преподавательницы мугловедения в «Хогварце». А, вот! Открыв газету на десятой полосе, Гарри уселся за письменный стол и перечитал статью.

Эльфиас Дож

ПАМЯТИ АЛЬБУСА ДУМБЛЬДОРА

Я познакомился с Альбусом Думбльдором в одиннадцать лет, в наш первый день в «Хогварце». Взаимная симпатия, несомненно, возникла оттого, что мы оба чувствовали себя изгоями. Я незадолго до начала учебного года переболел драконьей оспой, и, хоть уже и не был заразен, мое зеленоватое рябое лицо не способствовало популярности. Альбус же появился в школе, образно говоря, помеченный клеймом прискорбной славы. Годом ранее его отца Персиваля посадили в тюрьму по обвинению в жестоком нападении на трех юных муглов – нашумевшая тогда история.

Альбус не отрицал, что его отец (которому предстояло окончить дни в Азкабанае) совершил преступление, и, когда я собрался с духом и заговорил об этом, он сказал, что знает: отец виновен. Но более ни словом Думбльдор не обмолвился о печальном деле, хотя вызвать его на откровенность пытались многие. Некоторые даже хвалили поступок его отца, полагая, что и Альбус – муглоненавистник. Они глубоко ошибались: всякий, кто знал Альбуса, уверенно подтвердил бы, что тот ни в малейшей степени не страдал муглофобией – напротив, неотступной борьбой за права муглов нажил себе в дальнейшем

немало врагов.

Однако спустя всего несколько месяцев Альбус затмил известностью своего отца. К концу первого года обучения он прославился как самый блестящий ученик за всю историю существования школы. Тем, кому посчастливилось с ним дружить, несказанно повезло: мы много от него почерпнули. Альбус никогда не скупился на помощь и поддержку, а в последние годы жизни признался мне: уже тогда он знал, что рожден быть учителем.

Он не только выигрывал все значимые призы, но и вел регулярную переписку с выдающимися колдунами тех дней, в том числе великим алхимиком Николя Фламельем, замечательным историком Батильдой Бэгшот и теоретиком магии Адальбертом Вафлингом. Некоторые работы Думбльдора были опубликованы в популярных изданиях: «Современные превращения», «Чрезвычайное в чарующем», «Заботы зельедела». Казалось, Думбльдора ждет стремительная и блестящая карьера – неясным оставалось только, когда именно он займет пост министра магии. Но, сколько бы это ни пророчили, подобное будущее его не интересовало.

Через три года после нашего поступления в «Хогварц» там появился и младший брат Альбуса, Аберфорс. У братьев было мало общего; Аберфорс не любил учиться и любые споры предпочитал разрешать дуэлью, а не разумной дискуссией. Из этого, впрочем, не следует, что братья не ладили между собой. Нет, ладили – насколько это возможно для мальчиков, слепленных из абсолютно разного теста. Справедливости ради надо отметить, что Альбус затмевал всех. Вечно пребывать в его тени для брата куда неприятнее, чем для друзей.

Окончив «Хогварц», мы с Альбусом по тогдашней традиции собирались в кругосветное путешествие пообщаться с колдунами других стран, прежде чем разойтись каждый своей дорожкой. Помешало несчастье. Накануне нашего отъезда мать Альбуса, Кендра, умерла, оставив сына главой семьи и единственным кормильцем. Я отложил отъезд, чтобы проводить Кендру в последний путь, а затем отправился путешествовать один. Альбус, на которого свалились заботы о младшем брате и сестре, оказался в стесненных обстоятельствах и ехать уже не мог.

То было время, когда мы общались реже всего. Я – пожалуй, мало считаясь с его чувствами, – в письмах повествовал об иноземных чудесах: о том, как чуть не пал жертвой греческих химер, об экспериментах египетских алхимиков. Он

отвечал, почти не упоминая о своей повседневной жизни – надо полагать, удушающе скучной для столь одаренного чародея. К концу путешествия я с ужасом узнал, что Альбуса постигла новая трагедия – умерла его сестра Ариана.

Ариана болела давно, однако удар, последовавший так скоро после смерти матери, потряс обоих братьев. Близкие Альбуса – а я отношу себя к этим счастливым избранным – сходятся во мнении, что смерть Арианы и угрызения Альбуса (который, разумеется, в ее кончине виновен не был) наложили неизгладимый отпечаток на его душу.

Вернувшись, я встретился с молодым, но не по возрасту настрадавшимся человеком. Альбус отчасти замкнулся и существенно растерял легкомыслие юности. К тому же в довершение бед брата, потеряв Ариану, не сблизился, но отделился друг от друга совершенно. (Со временем это прошло, и вернулись если не близкие, то достаточно теплые отношения.) Однако с тех пор Альбус редко поминал о родителях и Ариане, и его друзья также научились не затрагивать болезненную тему.

О его дальнейших заслугах напишут другие. Вклад Думбльдора в копилку волшебных знаний неоценим. Открытые им двенадцать способов использования драконьей крови еще послужат грядущим поколениям, как и необыкновенная мудрость принятых им судебных решений в должности Верховного Ведуна Мудрейха. По сей день считается, что не было равных дуэли, произошедшей в 1945 году между Думбльдором и Гриндельвальдом. Те, кто ее видел, с ужасом и восхищением описывали битву этих двух исключительных чародеев. Победа Думбльдора и ее значение для истории колдовского мира столь же велики, как, например, введение Международного закона о секретности или падение Того-Кто-Не-Должен-Быть-Помянут.

Альбус Думбльдору чужды были чванство и тщеславие; любой человек, по видимости самый незначительный и убогий, становился бесконечно интересен ему и ценен. Я склонен считать, что именно потери, пережитые в юности, наделили его столь глубокой человечностью и сострадательностью. Не могу передать словами, как мне будет не хватать его дружбы, однако мое личное горе – ничто в сравнении с утратой, которую понес весь магический мир. Вне сомнений, Альбус был самым талантливым, заботливым и любимым из директоров «Хогварца». И умер он, как жил: во имя высшего блага, таким, каким был всегда, – неизменно готовым протянуть руку дружбы мальчику, только-только переболевшему драконьей оспой.

Гарри дочитал, но продолжал смотреть на фотографию при некрологе. Знакомая добрая улыбка, очки-полумесяцы – но взгляд поверх них, даже в газетной печати, пронзал Гарри, будто рентгеновские лучи. А Гарри было и горько, и стыдно.

Он считал, что хорошо знает Думбльдора, но после некролога стало ясно, что он не знает практически ничего. Гарри никогда не думал о детстве Думбльдора или его юности, словно тот так и появился на свет мудрым, убеленным сединами старцем. Думбльдор – подросток? Как-то не вяжется. Все равно что безмозглая Гермиона или ласковый взрывастый дракл.

Почему он никогда не интересовался жизнью Думбльдора? Конечно, это неподобающе и могло показаться дерзостью, но ведь, в конце концов, легендарная дуэль Думбльдора и Гриндельвальда – событие историческое, а Гарри не удосужился расспросить профессора ни о ней, ни о других выдающихся достижениях. Нет, они бесконечно говорили о самом Гарри – о его прошлом, настоящем, будущем, о его планах... И сейчас, хотя будущее Гарри было туманно и опасно, он жалел, что безвозвратно упустил возможность побольше узнать о самом Думбльдоре. Впрочем, отвечая на тот единственный личный вопрос, который Гарри все-таки задал, профессор, похоже, слукавил:

– А что видите в зеркале вы?

– Я? Я вижу себя с толстыми шерстяными носками в руках.

В конце концов стряхнув задумчивость, Гарри вырвал из «Оракула» некролог, аккуратно сложил и спрятал в первый том «Практической защитной магии и ее применения в борьбе с силами зла». Затем бросил газету в мусор и оглядел комнату. Что же, намного чище. Только на кровати – сегодняшней номер «Оракула» и осколок зеркала поверх него.

Гарри стряхнул осколок на покрывало и раскрыл газету. Утром, когда сова доставила свернутый свежий номер, Гарри лишь мельком глянул на заголовки и, не увидев ничего о Вольдеморте, с досадой отбросил «Оракул» – ну конечно же редакция под давлением министерства придерживает неприятные новости. И только сейчас Гарри заметил, что пропустил.

В нижней половине первой полосы над фотографией идущего куда-то и несколько затравленного Думбльдора размещался небольшой заголовок:

О Думбльдоре – наконец-то вся правда?

Читайте на следующей неделе! Шокирующий материал о порочном гении, которого многие считали величайшим колдуном поколения. Что скрывалось под маской невозмутимого сребробородого мудреца? Рита Вритер срывает завесы. Трудное детство, мятежная юность, пожизненная вражда и постыдные тайны, унесенные в могилу... ПОЧЕМУ Думбльдор, которого прочили на пост министра магии, довольствовался скромной должностью директора школы? Каковы ИСТИННЫЕ задачи секретной организации, известной как Орден Феникса? КАК в действительности умер Альбус Думбльдор?

Ответы на эти и другие вопросы – в скандальной биографии «Жизнь и ложь Альбуса Думбльдора», написанной известной журналисткой Ритой Вритер. Эксклюзивное интервью с ней, данное нашему корреспонденту Бетти Брейтуэйт, читайте на стр. 13.

Гарри рывком развернул газету. Вот: страница тринадцать. Знакомое женское лицо: прихотливо уложенные светлые кудельки, очки в оправе с бриллиантами, победительный оскал. Приветственный взмах пальчиками. Стараясь не замечать тошнотворной физиономии, Гарри продолжил читать.

Первое впечатление: в реальности Рита Вритер гораздо мягче и милее, чем можно предположить по ее знаменитым беспощадным принципиарным заметкам. Она встречает меня в своей уютной прихожей и проводит на кухню, где нас ждет горячий чай, бисквитный кекс и – куда же без них! – свежайшие, с пылу с жару, сплетни.

– Бесспорно, Думбльдор – мечта любого биографа, – смеется Рита. – Такая долгая, насыщенная жизнь... Я уверена, моя книга – лишь первая из числа очень, очень многих.

Прямо скажем: Рита времени не теряла. Ее девяти-сотстраничный труд был закончен всего через месяц после загадочной смерти Думбльдора. Как же ей это удалось?

– О, при моем журналистском опыте умение писать к сроку – это вторая натура! Я знала, что колдовской мир жаждет полного жизнеописания, и первой откликнулась на зов.

Я цитирую недавнее, широко разошедшееся в прессе замечание Эльфиаса Дожа, давнего друга Думбльдора и особого советника Мудрейха: «Из книги Вритер вы почерпнете меньше, чем из карточки в шокогадушке».

Вритер хохоча запрокидывает голову.

– Миляга Дожик! Помню, несколько лет тому назад я его интервьюировала о правах русалидов. Лапушка, только совсем ку-ку: думал, что мы с ним на озере Уиндермир, и без конца повторял: опасайтесь уток!

И все же не один Эльфиас Дож обвиняет Риту в неточности. Неужели она и правда полагает, что за каких-то четыре недели можно составить полную картину долгой и удивительной жизни Думбльдора?

– Ах, дорогая моя, – Рита Вритер ласково похлопывает меня по руке, – вы не хуже других знаете, сколько сведений ловится на увесистый кошель галлеонов, на отказ слышать слово «нет» и остро заточенное принципиарное перо! Да люди в очередь ко мне вставали, и каждый – со своим ушатом помоев! Не все, ох не все обожали Думбльдора... Он успел изрядно потоптаться на больных мозолях разных бонз. А рыцарь Дожик пускай слезает с белого гиппогрифа – мне удалось заполучить такого очевидца, за чьи воспоминания многие журналисты не раздумывая отдадут свои волшебные палочки! Этот человек никогда прежде не выступал публично, но очень близко знал Думбльдора в самый сложный период его мятежной юности!

Реклама книги недвусмысленно намекает, что тех, кто считал Думбльдора святым, ждут потрясения. И каковы же самые крупные сюрпризы?

– Бросьте, Бетти, не стану же я пересказывать книгу, особенно до начала продаж! – ухмыляется Рита Вритер. – Однако обещаю: холодный душ

поклонникам Думбльдора обеспечен! Старый колдун вовсе не был таким белым и пушистым, как его знаменитая борода. Вспомните его гневные речи насчет Сами-Знаете-Кого. Придет ли после этого в голову, что в юности и Думбльдор якшался с силами зла? И что, всю пропагандируя терпимость и всеобщее равенство, в молодости он подобной широтой взглядов не отличался? Да-а, прошлое Альбуса Думбльдора темно и не слишком чисто... Я уж молчу про его семейку, о которой он и сам предпочитал не распространяться.

Я спрашиваю, что имеется в виду – пятнадцатилетней давности скандал с братом Думбльдора Аберфорсом, которого Мудрейх осудил за неправомерное колдовство?

– Ой, Аберфорс!.. Верхушка навозной кучи, – отмахивается Рита. – Нет-нет, я говорю о вещах посерьезнее, нежели братец, чрезмерно увлеченный козами, или отец, калечащий муглов! О них так или иначе все известно – в конце концов, оба угодили под следствие. Нет, меня куда больше интересовали мать и сестра, и, лишь чуточку покопавшись, я обнаружила настоящее змеиное гнездо... Впрочем, читателям придется подождать книги – главы с девятой по двенадцатую! Однако кое-что я скажу: неудивительно, что Думбльдор помалкивал о том, как умудрился сломать нос.

Хорошо, но если отвлечься от скелетов в семейном шкафу, признает ли Рита научный гений Думбльдора и его выдающиеся открытия?

– Конечно, мозги у старика были, – отвечает та, – но подлинное авторство многих открытий теперь под вопросом. Так, например, в шестнадцатой главе моей книги Айвор Диллонсби рассказывает, что успел обнаружить восемь способов применения драконьей крови на момент, когда Думбльдор временно «одолжил» его бумаги.

И все же важность некоторых его достижений отрицать нельзя, осмеливаюсь заметить я. Знаменитая победа над Гриндельвальдом, например?

– Рада, что вы упомянули об этом, – очаровательно улыбается Вритер. – Боюсь, тех, кто до сих пор со слезами умиления восхваляет победу Думбльдора, ждет бомба... пожалуй, навозная. История грязна до крайности. Намекну: неизвестно, в самом ли деле легендарная дуэль имела место. По прочтении моей книги многие, возможно, придут к выводу, что Гриндельвальд попросту сотворил

белый платочек на кончике своей волшебной палочки и тихо сдался.

Рита отказывается дальше развивать эту интригующую тему, поэтому мы переходим к взаимоотношениям, которые, без сомнения, вызовут жаркий интерес у большинства читателей.

– Да, – кивает Рита. – Отношениям Думбльдора и Поттера я посвятила целую главу. Их называли нездоровыми, даже опасными. Опять-таки придется купить мою книгу, чтобы узнать все подробности, но нельзя отрицать, что с первого дня знакомства Думбльдор проявлял к мальчику повышенный, противоестественный интерес. Только во благо ли Поттеру? Увидим. Ни для кого не секрет, что отрочество Гарри было весьма непростым.

В прошлом году Рита Вритер опубликовала нашумевшее интервью, в котором Гарри Поттер утверждал, что Сами-Знаете-Кто вернулся к власти. Я спрашиваю, продолжают ли Гарри с Ритой общаться.

– Да, разумеется, и весьма тесно! – восклицает журналистка. – У бедного мальчика так мало друзей, а мы встретились в один из самых трудных моментов его жизни – на Трехмудром Турнире. Пожалуй, только я одна и знаю настоящего Гарри Поттера.

Разговор естественно переходит к бесконечным слухам о последних часах жизни Думбльдора. Верит ли Рита, что Поттер был с Думбльдором в момент его смерти?

– Что ж... не хочу выдавать подробности – все есть в книге, – однако многие в «Хогварце» видели, как Поттер бежал прочь с места происшествия буквально через несколько секунд после того, как Думбльдор упал, спрыгнул или был скинут с башни. Позже Поттер обвинил в убийстве Злотеуса Злея, человека, к которому издавна питает глубокую неприязнь. Однако все ли так очевидно, как кажется? Решать колдовскому сообществу – после прочтения моей книги, разумеется.

На этой загадочной ноте я откланиваюсь. У меня нет сомнений: из-под пера Риты Вритер вышел безусловный бестселлер. Бесчисленные же почитатели Думбльдора трепещут в неведении – что-то они вскоре узнают о своем герое?

Гарри дочитал статью, но продолжал слепо смотреть на газетную полосу. Омерзение, ярость поднимались в нем, как рвота; он скомкал газету и со всей силы швырнул об стену. Бумажный ком упал на гору хлама, выросшую у переполненной мусорной корзины.

Гарри бесцельно заходил по комнате, едва понимая, что делает, – открывал пустые ящики, хватал какие-то книги и тут же клал их на место... В голове мелькали обрывки статьи: отношениям Думбльдора и Поттера посвятила целую главу... повышенный, противоестественный интерес... в юности и Думбльдор якшался с силами зла... удалось заполучить такого очевидца, за чьи воспоминания многие журналисты не раздумывая отдадут свои волшебные палочки...

– Вранье! – заорал Гарри и увидел в окно, как сосед, собиравшийся в очередной раз запустить газонокосилку, замер и испуганно посмотрел вверх.

Гарри тяжело сел на кровать. Осколок зеркала отпрыгнул. Гарри взял его и принялся вертеть в руках и все думал, думал о Думбльдоре, о том, как его оклеветала Рита Вритер.

И вдруг перед ним мелькнуло что-то ярко-голубое. Гарри замер; порезанный палец вновь скользнул по неровному краю осколка. Нет, показалось. Показалось. Гарри обернулся. Стена позади него – отвратительного персикового цвета, выбранного тетей Петунией. Ничего голубого в зеркале отразиться не могло... Гарри снова глянул в осколок – и увидел там собственный зеленый глаз.

Померещилось – единственное объяснение; померещилось, потому что он слишком напряженно думал о бывшем директоре своей школы. Пронзительного взгляда ярко-голубых глаз Альбуса Думбльдора ему больше не увидать никогда – уж в этом Гарри был уверен.

Глава третья

Дурслеи дают драпака

Хлопнула парадная дверь. Стук эхом разнесся по дому, затем послышался крик:

– Эй, ты!

К Гарри подобным манером обращались шестнадцать лет, так что он понял, кого дядя зовет, но отзываться не спешил. Он по-прежнему не отрываясь смотрел на осколок зеркала, где ему померещился глаз Думбльдора. И лишь когда дядя истошно заорал: «ПАРЕНЬ!» – Гарри встал и поплелся к двери, задержавшись на секунду у рюкзака, чтобы сунуть туда осколок. Его тоже надо взять с собой.

– А подольше нельзя? – рявкнул Вернон Дурслей, едва Гарри появился на площадке. – Быстро вниз. Надо поговорить!

Гарри спустился, глубоко засунув руки в карманы джинсов. В гостиной его ждали Дурслеи – все трое, в дорожной одежде: дядя Вернон – в бежевом пиджаке на молнии, тетя Петунья – в изящном пальто лососевого цвета, а блондинистый здоровяк Дудли, двоюродный брат Гарри, – в кожаной куртке.

– Что? – спросил Гарри.

– Садись! – приказал дядя Вернон. Гарри поднял брови. – Пожалуйста! – прибавил дядя Вернон и поморщился, будто слово оцарапало ему горло.

Гарри сел. Он, кажется, знал, что сейчас будет. Дядя Вернон заходил по комнате. Тетя Петунья и Дудли тревожно следили за его перемещениями. Наконец дядя остановился против Гарри. И, наморщив большое сизое лицо, сообщил:

– Я передумал.

– Удивительное рядом, – сказал Гарри.

– Что за тон!.. – пронзительно начала тетя Петунья, но дядя Вернон замахал на нее руками.

– Все ерунда и собачья чушь, – объявил он, уставив на Гарри пороссячи глазки. – Не верю ни единому слову. Я решил окончательно: мы никуда не едем. Остаемся.

Гарри взглянул на дядю с насмешливой досадой. Вот уже месяц Вернон Дурслей ежедневно менял решение, причем всякий раз упаковывал, распаковывал и переупаковывал вещи. Особенно забавно было, когда он, не зная про гантели, которые при-овокупил к своим пожиткам Дудли, попытался закинуть чемодан обратно в багажник и рухнул, рыча от боли и изрыгая проклятия.

- По твоим словам, - дядя Вернон снова заходил по комнате, - всем нам - Петунии, Дудли и мне - угрожает опасность. И опасность эта исходит от... от...

- Да-да, от «нашей братии», - договорил за него Гарри.

- Так вот - я тебе не верю. - Дядя Вернон опять остановился перед ним. - Я полночи думал и догадался: вы хотите заполучить дом.

- Дом? - переспросил Гарри. - Какой дом?

- Этот! - крикнул дядя Вернон, и вена у него на лбу запульсировала. - Наш дом! Цены на недвижимость здесь растут как на дрожжах! Вы нас вытурите, а потом - оп! Колды-балды, и все переписано на тебя, и...

- Вы с ума сошли? - возмутился Гарри. - Какая недвижимость? Вы что, и правда такой тупой?

- Не смей!.. - взвизгнула тетя Петунья, но дядя Вернон снова от нее отмахнулся. По сравнению с опасностью, которую он заподозрил, личные оскорбления - пустяки.

- На всякий случай напоминаю, - сказал Гарри, - что у меня вообще-то есть дом: крестный завещал. Зачем мне ваш? На добрую долгую память?

Наступила тишина. Гарри решил, что аргумент возымел действие.

- Значит, ты утверждаешь, - дядя Вернон опять забежал по комнате, - что этот ваш лорд... как бишь его...

– ...Вольдеморту, – нетерпеливо перебил Гарри. – И мы это обсуждали сто раз! И не я утверждаю, а так и есть! И Думбльдору вам говорил в прошлом году, и Кингсли, и мистер Уизли...

Вернона Дурслея передернуло, и Гарри понял, что дядя пытается отогнать воспоминания о непрошеном визите двух взрослых колдунов в начале летних каникул. Появление Кингсли Кандадьера и Артура Уизли в доме на Бирючинной улице стало для Дурслеев весьма неприятным потрясением – впрочем, немудрено: однажды мистер Уизли разгромил здесь полгостиной. Было бы странно, если бы дядя Вернон ему обрадовался.

– ...Кингсли и мистер Уизли тоже вам все объяснили, – безжалостно продолжал Гарри. – Как только мне исполнится семнадцать, защитные чары спадут, и вы вместе со мной окажетесь под угрозой. Орден считает, что Вольдеморту может взять вас в заложники – либо чтобы под пытками узнать, где я, либо в надежде, что я прибегу вас спасать.

Гарри и дядя Вернон встретились взглядами; Гарри был уверен, что в этот миг оба они задумались об одном и том же. Затем дядя опять зашагал по комнате, а Гарри снова заговорил:

– Вас надо спрятать, и Орден хочет помочь. Вам предлагают серьезную защиту, лучше не бывает.

Дядя Вернон не ответил и не перестал расхаживать. Солнце низко висело над кустами бирючины. Соседская газонокосилка опять заглохла.

– Есть ведь, кажется, министерство магии? – вдруг спросил дядя Вернон.

– Есть, – удивленно подтвердил Гарри.

– Почему же оно нас не охраняет? Мы ни в чем не виноваты, кроме того, что укрываем тебя... Мы же наверняка попадаем под какую-нибудь правительственную программу защиты!

Гарри рассмеялся – не смог сдержаться. Как это в духе дяди Вернона – уповать на власти, даже в презираемом и страшном мире.

– Вы сами слышали Кингсли и мистера Уизли, – ответил Гарри. – Мы считаем, что министерство захвачено.

Дядя Вернон прошел к камину и обратно. Он дышал так тяжело, что колыхались черные усы, а лицо по-прежнему было сизым от раздумий.

– Хорошо, – сказал он, вновь воздвигнувшись перед Гарри. – Допустим, мы согласились на защиту. Но я все равно не понимаю, почему нас не может охранять этот ваш Кингсли?

Гарри стоило труда не закатить глаза. На этот вопрос он отвечал не раз и не два.

– Я уже говорил, – процедил он сквозь зубы. – Кингсли охраняет министра муг... ну то есть вашего премьер-министра.

– Вот именно – значит, он лучше всех! – Дядя Вернон ткнул пальцем, показав на пустой телевизионный экран. Дурслеи видели Кингсли в новостях: он неприметно шел за премьер-министром, когда тот посещал больницу. Это плюс умение Кингсли одеваться как мугл плюс его неторопливый, спокойный бас заслужило ему некоторое доверие Дурслеев. Правда, они ни разу не видели Кингсли с золотым кольцом в ухе.

– Он занят, – отрезал Гарри. – Но Гестия Джонс и Дедал Диггл тоже очень...

– Если б нам хоть показали их резюме... – начал дядя Вернон, но у Гарри лопнуло терпение. Он встал, подошел к дяде и тоже ткнул пальцем в экран телевизора.

– Все эти бесконечные несчастные случаи вовсе не просто так. Аварии, взрывы, крушения поездов и что там еще произошло, пока мы не смотрели новости. Люди пропадают, погибают, и за всем этим стоит он – Вольдеморт. В тысячный раз повторяю: муглов он убивает для развлечения. Даже туманы – из-за дементоров! Если не помните, кто это такие, спросите своего сына!

Дудли в ужасе закрыл рот ладонями. Родители и Гарри повернулись к нему. Он медленно опустил руки и спросил:

– Их что... много?

– Много? – захохотал Гарри. – А ты думал, их двое – те, что на нас напали? Их сотни, а сейчас уже, может, и тысячи – они же питаются страхом и отчаянием...

– Хорошо, хорошо, – перебил дядя Вернон. – Мы поняли...

– Очень надеюсь, – сказал Гарри. – Потому что, едва мне исполнится семнадцать, до вас сможет добраться вся компашка: и Упивающиеся Смертью, и дементоры, и, наверное, даже инфернии – а это, между прочим, мертвецы под заклятием черных магов. И если вспомнить, чем все кончилось, когда вы последний раз пытались бегать от колдунов, я думаю, вы дружно согласитесь, что нуждаетесь в помощи.

Ненадолго повисла тишина, в которой, казалось, зазвучало далекое эхо: кулак Огрида вновь вышибал дверь деревянной лачуги. Тетя Петуния смотрела на дядю Вернона, Дудли – на Гарри. Наконец дядя Вернон выпалил:

– Прекрасно, но как же моя работа? А школа Дудли? Я понимаю, колдовским бездельникам эти вещи неинтересны...

– До вас что, не доходит? – заорал Гарри. – Вас замучают и убьют, как моих родителей!

– Пап, – громко сказал Дудли. – Я поеду с людьми из Ордена.

– Дудли, – поразился Гарри, – впервые слышу от тебя что-то разумное.

Он знал, что выиграл битву. Раз Дудли испугался и готов принять помощь Ордена, родители последуют за ним: куда ж они без своего Диддика? Гарри взглянул на дорожные часы на каминной полке.

– Они будут здесь минут через пять, – напомнил он и, не дождавшись ответа, вышел. Грядущая разлука с Дурслеями – возможно, навсегда – ничуть его не огорчала, даже радовала, и все-таки ему было неловко. Что положено говорить, когда расстаешься после шестнадцати лет крепкой взаимной неприязни?

У себя в спальне он бесцельно повозился с рюкзаком, затем просунул Хедвиге в клетку пару катышков «Совячьей радости». Те с глухим стуком упали на дно. Птица сделала вид, будто не заметила.

– Мы скоро уезжаем, – сообщил Гарри. – Опять сможешь летать.

В дверь позвонили. Гарри, поколебавшись, направился вниз. Не оставлять же Гестию и Дедала один на один с Дурслеями.

Он открыл дверь.

– Гарри Поттер! – раздался тоненький восторженный возглас. Человечек в сиреневом цилиндре склонился в низком поклоне. – Большая честь, как всегда!

– Спасибо, Дедал, – сказал Гарри, коротко, смущенно улыбнувшись темноволосой Гестии. – Спасибо, что согласились... Они там, мои дядя, тетя и двоюродный брат...

– Доброго вам дня, родственники Гарри Поттера! – радостно воскликнул Дедал, входя в гостиную.

Дурслеям такое обращение явно пришлось не по вкусу; Гарри не удивился бы, если б они снова передумали. Дудли при виде колдунов прилепился к матери.

– Вижу, вы собрались! Чудесно! План действий, как вам, должно быть, рассказал Гарри, весьма прост. – Дедал вытащил из жилетного кармана огромные часы. – Мы покинем ваш дом раньше его. Применять магию здесь нельзя – министерство может использовать это как предлог для ареста Гарри, он ведь несовершеннолетний, – поэтому нам придется проехать на машине километров десять и уж оттуда дезаппарировать. Вы, я так понимаю, умеете водить? – вежливо поинтересовался он у дяди Вернона.

– Умею что?.. Конечно, умею, собака вас раздери! – вспылил дядя Вернон.

– Какой вы, однако, молодец, сэр, надо же. Лично я начисто растерялся бы от всех этих пимпочек и кнопочек. – Дедал явно полагал, что делает комплимент, но дядя Вернон, видимо, сильно усомнился в разумности «плана действий».

– Даже водить не умеет, – пробормотал он, возмущенно дернув усами. К счастью, ни Гестия, ни Дедал его не услышали.

– Ты, Гарри, – продолжал Дедал, – дождешься своих сопровождающих здесь. У нас кое-что поменялось...

– То есть? – встревожился Гарри. – Я думал, меня заберет Шизоглаз, и мы с ним аппаратуем параллельно.

– Нельзя, – сурово отозвалась Гестия. – Шизоглаз потом объяснит.

Дурслеи прислушивались к разговору, решительно ничего не понимая, и сильно вздрогнули, когда кто-то вдруг громко завопил: «Поторопитесь!» Гарри в недоумении огляделся и не сразу понял, что кричали карманные часы Дедала.

– И то правда, время поджигает. – Дедал кивнул часам и спрятал их в жилетный карман. – Нам желательно переместить твоих родных одновременно с тобой, Гарри, чтобы в момент исчезновения защиты все вы были уже в безопасности. – Он повернулся к Дурслеям: – Ну, готовы?

Никто не ответил: дядя Вернон в гадливом смятении взирал на оттопыренный карман Дедаловой жилетки.

– Нам, наверное, лучше подождать в коридоре, Дедал, – вполголоса произнесла Гестия. Она явно считала нетактичным оставаться в комнате, пока Гарри будет нежно – быть может, в слезах – прощаться с семьей.

– Ни к чему, – буркнул Гарри, но объяснять ничего не пришлось.

Дядя Вернон громко сказал:

– Ну, бывай, парень, – и сначала хотел пожать Гарри руку, но потом не нашел в себе сил, сжал пальцы в кулак и закачал им туда-сюда, как метроном.

– Готов, Диддик? – спросила тетя Петунья, суетливо проверяя застежку на сумке и всячески избегая взгляда Гарри.

Дудли не отвечал – он стоял, полуоткрыв рот и немного напоминая гиганта Гурпа.

– Тогда в путь, – подбодрил дядя Вернон.

Он почти дошел до дверей гостиной, когда Дудли вдруг промямлил:

– Не понимаю.

– Чего ты не понимаешь, пусик? – ласково спросила тетя Петунья.

Дудли поднял жирную, похожую на окорок руку и показал на Гарри:

– А он почему не с нами?

Дядя Вернон и тетя Петунья уставились на него ошеломленно, будто он изъявил желание стать балериной, когда вырастет.

– Что? – громко переспросил дядя Вернон.

– Почему он с нами не едет? – отчетливо повторил Дудли.

– Он... не хочет, – ответил дядя Вернон, повернулся к Гарри и пронзил его яростным взглядом: – Ведь не хочешь?

– Ни капельки, – отозвался Гарри.

– Вот видишь, – сказал дядя Вернон сыну. – А теперь пойдем, нам пора.

Он вышел из комнаты. Было слышно, как открывается входная дверь, но Дудли не двигался, и тетя Петунья, нерешительно просеменив по гостиной, тоже остановилась.

– Ну что еще? – рявкнул дядя Вернон, снова появляясь на пороге.

Казалось, Дудли не в состоянии выразить словами то, что его гнетет. Спустя несколько секунд напряженной внутренней борьбы он наконец выдавил:

– А куда же он поедет?

Тетя Петунья и дядя Вернон переглянулись. Поведение сына явно их пугало. Молчание нарушила Гестия Джонс, озадаченно спросив:

– Но... Вы ведь, разумеется, в курсе, куда едет ваш племянник?

– Естественно, в курсе, – ответил Вернон Дурслей. – Куда-то с кем-то из вашей братии, верно? Все, Дудли, идем, мы торопимся, ты же слышал, что сказал дяденька.

Вернон Дурслей дошел до дверей, но Дудли за ним не последовал.

– Куда-то с кем-то из нашей братии? – вознегодовала Гестия.

Гарри такое уже видел: никто из колдунов не понимал, почему родные столь мало интересуются знаменитым Гарри Поттером.

– Все нормально, – успокоил он. – Ерунда, правда.

– Ерунда? – Гестия грозно повысила голос. – Они что, не понимают, сколько ты пережил? И в какой ты опасности? И какое уникальное место занимаешь в сердцах людей, восставших против Волдеморта?

– Э-э... Нет, не понимают, – сказал Гарри. – Для них я пустое место, но я уже привык и...

– Для меня ты не пустое место.

Если бы Гарри не видел, как шевелятся губы Дудли, он бы не поверил своим ушам. Он уставился на двоюродного брата и в итоге вынужден был признать, что тот действительно произнес эту фразу; во всяком случае, Дудли залился краской. Изумленный Гарри тоже смутился.

– Ммм... Спасибо, Дудли.

Дудли вновь замолк, сражаясь с непростыми словами и обширными понятиями, а затем промямлил:

– Ты спас мне жизнь.

– Не совсем, – поправил Гарри. – Дементор взял бы только твою душу...

Он с любопытством смотрел на Дудли. Они не общались ни этим летом, ни прошлым – Гарри приезжал на Бирючинную ненадолго и почти не выходил из комнаты. Но лишь теперь до него дошло, что чашка с холодным чаем под дверью вовсе не была подложенной бомбой. Трогательно, конечно, но все-таки хорошо, что Дудли, кажется, исчерпал возможности выражать чувства... Он еще пару раз открыл рот и, красный как рак, замолчал.

Тетя Петунья разразилась слезами. Гестия Джонс посмотрела на нее одобритительно, но тотчас – едва тетя Петунья бросилась на шею не к Гарри, а к Дудли – вновь вскипела от гнева.

– М-милый Диддичка... – всхлипывая, лепетала тетя Петунья, припадая к массивной сыновней груди. – Ч-чудный мальчик... Поблагодарил...

– Он не благодарил! – возмутилась Гестия. – Он только сказал, что не считает Гарри пустым местом!

– Да, но от него это все равно что «я люблю тебя», – пояснил Гарри. Затянувшееся прощание утомило, хотя наблюдать за тетей, которая обнимала Дудли так, словно тот вытащил Гарри из горящего здания, было забавно.

– Мы вообще когда-нибудь поедem? – взревел дядя Вернон, вновь вырастая в дверях. – А еще говорили, время поджигает!

– Да... да, поедem. – Дедал Диггл, зачарованный происходящим, с очевидным трудом вернулся к действительности. – Действительно пора. Гарри...

Он, слегка споткнувшись, бросился к Гарри и обеими ладонями стиснул его руку:

– ...Удачи! Надеюсь, мы еще встретимся. На твоих плечах – судьбы всего колдовского мира.

– Ну да, – буркнул Гарри, – конечно. Спасибо.

– До свидания, Гарри. – Гестия тоже пожала ему руку. – Мысленно мы с тобой.

– Надеюсь, все будет хорошо, – сказал Гарри, глянув на тетю Петунию и Дудли.

– О, я уверен, мы подружимся! – Диггл на прощание помахал цилиндром и вышел из комнаты. Гестия направилась за ним.

Дудли аккуратно высвободился из материнских объятий и шагнул к Гарри, который едва подавил желание выставить ему навстречу волшебную палочку. Но Дудли протянул ему свою большую розовую ладонь.

– Ну и ну, Дудли. – Гарри пришлось повысить голос – причитания тети Петунии возобновились. – Тебя что, дементоры подменили?

– Не знаю, – пробормотал тот. – До свидания, Гарри. Увидимся.

– Угу... – Гарри пожал двоюродному брату руку. – Может быть. Давай, береги себя, Чемпион.

Дудли чуть не улыбнулся и вразвалку вышел из комнаты. Вскоре с улицы донесся хруст гравия, а потом хлопнула дверца машины.

Тетя Петуния, плакавшая в платочек, встрепенулась и словно бы изумилась, увидев, что осталась с Гарри наедине. Торопливо сунув мокрый платочек в карман, она буркнула:

– Что ж... Прощай, – и, не глядя на племянника, направилась к двери.

– Прощайте, – ответил Гарри.

Она остановилась, обернулась, и на секунду Гарри показалось, будто тетя хочет что-то сказать – такой странный, взволнованный был у нее взгляд, но затем она легонько дернула головой и заспешила вслед за мужем и сыном.

Глава четвертая

Семь Поттеров

Гарри взбежал по лестнице к себе и успел увидеть в окно, как машина Дурслеев выезжает на дорогу. На заднем сиденье между тетей Петунией и Дудли виднелся цилиндр Дедала. С Бирючинной улицы автомобиль свернул вправо, рубиново блеснув стеклами в лучах заходящего солнца, и скрылся из виду.

Гарри взял клетку с Хедвигой, «Всполох» и рюкзак, в последний раз обвел взглядом непривычно чистую комнату, затем сволок багаж вниз и поставил у лестницы. Темнело быстро; прихожую наполнили тени. Странно стоять здесь в тишине, зная, что покидаешь дом навсегда. Раньше, давно, когда Дурслеи уезжали куда-нибудь развлекаться и Гарри на несколько часов оставался один, это было редкое счастье. Он несся к холодильнику, хватал что-нибудь вкусненькое и бежал к компьютеру Дудли играть или к телевизору – переключать каналы сколько заблагорассудится... От воспоминаний у Гарри странно защемило в груди, словно при мысли о младшем брате, которого больше нет.

– Не хочешь напоследок прогуляться по дому? – спросил он Хедвигу. Та все еще дулась и прятала голову под крыло. – Мы сюда больше не вернемся. Вспомним старые добрые времена? Смотри, коврик... Это сюда Дудли вырвало, когда я спас его от дементоров... Он сказал мне спасибо, представляешь?.. А прошлым летом Думбльдор вошел в эту дверь... – Гарри на мгновение потерял ход мысли, но Хедвига не желала ему помочь и не вынимала головы из-под крыла. Гарри повернулся к двери спиной. – А здесь, Хедвига, – он открыл дверь в чулан под лестницей, – я жил! Тебя со мной еще не было... Хм, я и забыл, до чего тут тесно...

Гарри смотрел на старые ботинки и зонтики и вспоминал, как, просыпаясь по утрам, упирался взглядом в изнанку лестницы, где обычно сидела пара-тройка

пауков. Он еще не знал, кто он на самом деле такой, не знал, как погибли родители, не понимал, почему вокруг него происходит столько странного. Но уже тогда его преследовали загадочные сны про ослепительные зеленые вспышки и летающий мотоцикл – помнится, дядя Вернон чуть не разбил машину, услышав об этом...

Неожиданно где-то рядом что-то оглушительно взревело. Гарри резко выпрямился и стукнулся затылком о низкую притолоку. Припомнив несколько отборных ругательств дяди Вернона, он, держась за голову, прошел на кухню и выглянул в окно на задний дворик.

Тьма, казалось, пульсировала, воздух зыбился. Во дворе один за другим, сбрасывая прозрачаровальное заклятие, появлялись люди. Надо всеми, в огромном мотоцикле с коляской, возвышался Огрив в шлеме и защитных очках. Остальные слезали с метел, а двое – с черных скелетоподобных крылатых лошадей.

Распахнув дверь, Гарри бросился во двор. Послышались радостные восклицания. Гермиона обхватила Гарри руками, Рон хлопнул по спине, Огрив пробасил:

– Ну, все путем? К отъезду готов?

– А то! – Гарри так и сиял. – Но я не думал, что вас будет столько!

– План изменился, – проворчал Шизоглаз. Он держал два здоровенных, туго набитых мешка. Его волшебный глаз вращался как бешеный, сканируя темнеющее небо, дом, сад. – Давай-ка в укрытие, там все и расскажем.

Гарри провел всех на кухню, и, весело смеясь, переговариваясь, они расселись по стульям и столам, до блеска отполированным тетей Петунией, а кое-кто прислонился к безупречно чистым кухонным агрегатам. Вот долговязый Рон, вот Гермиона – пышные волосы заплетены в косу. Фред и Джордж с одинаковыми улыбками. Билл, весь в шрамах, с неизменной длинной шевелюрой. Добрый лысеющий мистер Уизли в очках набекрень. Одноногий вояка Шизоглаз – волшебный ярко-голубой глаз так и крутится в глазнице. У Бомс короткие розовые волосы – ее любимый цвет. Люпин все седеет и весь в морщинах. Стройная красавица Флёр с длинными серебристыми локонами; лысый и широкоплечий чернокожий Кингсли; всклокоченный бородатый Огрив пригибает

голову – потолок низок. Ну и паршивец Мундугнус Флетчер, маленький, грязный, с печальными глазами бассет-хаунда и свалявшимися патлами. Сердце Гарри разрывалось от нежности ко всем – даже к Мундугнусу, которого он едва не придушил при последней встрече.

– Кингсли, а тебе не надо разве охранять премьер-министра муглов? – спросил Гарри через всю кухню.

– Один вечер он без меня как-нибудь обойдется, – отозвался Кингсли. – Ты у нас гораздо важнее.

– Гарри, угадай что? – Бомс со стиральной машины помахала левой рукой – блеснуло кольцо.

– Вы поженились? – ахнул Гарри, переводя взгляд на Люпина.

– Жалко, прошло без тебя, но все было очень скромно.

– Здорово, поздра...

– Тихо, тихо, после наболтаетесь! – рявкнул Хмури, сразу прекратив общий гомон, затем бросил мешки на пол и повернулся к Гарри: – Дедал, наверное, сообщил, что от плана А пришлось отказаться. Донельз Ретивс переметнулся, и у нас возникли трудности. Он запретил подсоединять этот дом к кружаной сети и пользоваться здесь портшлюсами и аппарированием. Иначе – тюрьма. И все – чтобы обезопасить тебя от Сам-Знаешь-Кого. Якобы. На самом деле толку чуть – тут пока еще действует защита твоей матери. А значит, его истинная цель – помешать тебе отсюда выбраться. Вторая проблема: ты несовершеннолетний, а значит, ходишь под Оком.

– Под чем?..

– Под Оком, под Оком! – нетерпеливо повторил Шизоглаз. – Заклятием, которое выявляет магическую активность вокруг несовершеннолетних. Так министерство отслеживает юных любителей поколдовать. Если ты или кто-то рядом произнесет заклинание, чтобы вытащить тебя отсюда, Ретивс сразу об этом узнает. И Упивающиеся Смертью тоже. Но нам нельзя ждать, пока тебе

исполнится семнадцать и Око закроется: одновременно спадет и защита твоей матери. Короче, Донельз Ретивс уверен, что тебе от них не уйти.

Гарри оставалось лишь согласиться с неизвестным ему Ретивсом.

– А что делать?

– А что нам остается? То, что не видно Оку: метлы, тестрали, мотоцикл Огрида. Для них заклинания не нужны: сел и поехал.

В плане были просчеты, но Гарри пока придержал язык: может, Шизоглаз сам о них скажет.

– Итак. Материнские чары спадают в двух случаях: либо когда ты достигаешь совершеннолетия, либо когда этот дом, – Хмури обвел рукой идеально чистую кухню, – перестает быть твоим. Сегодня твои с родственниками пути разошлись, и все вы понимали, что вам больше не жить вместе, верно? – (Гарри кивнул.) – Значит, теперь, стоит тебе выйти за радиус действия материнской защиты, она спадет. Мы решили снять ее раньше – не ждать же, пока Сам-Знаешь-Кто схватит тебя в день семнадцатилетия. У нас лишь одно преимущество: Сам-Знаешь-Кто не знает, что тебя перевозят сегодня. Для министерства мы запустили утку: там думают, что до тридцатого ты сидишь тут и не рыпаешься. Однако противник наш не абы кто, и мы не можем рассчитывать на его легковерие; наверняка парочка Упивающихся Смертью сейчас патрулирует небо над окрестностями. Поэтому мы выбрали двенадцать домов и обложили их всеми мыслимыми защитными заклинаниями. Все будут смахивать на твое убежище, все так или иначе связаны с Орденом: мой дом, дом Кингсли, дом Мюриэль, тетушки Молли... Короче, понял?

– Да, – ответил Гарри без особой убежденности: он по-прежнему видел в этом плане зияющую дыру.

– Ты отправишься к родителям Бомс. А там, в зоне действия защитных заклинаний, на портшлюсе переберешься в «Гнездо». Вопросы есть?

– Э-э... да, – кивнул Гарри. – Даже если сейчас им неизвестно, в какой из двенадцати домов меня перевозят, они разве не... догадаются, когда мы толпой в... – он быстро всех пересчитал, – четырнадцать человек подлетим к дому

родителей Бомс?

- А, - сказал Хмури, - я же самое главное забыл. Мы не полетим всей толпой к родителям Бомс. У нас будет семь Гарри Поттеров, и каждый с отдельным сопровождающим отправится в свое убежище.

Хмури достал из-под плаща фляжку с какой-то жидкой грязью - и Гарри сразу все понял.

- Нет! - воскликнул он. Голос звенящим эхом прокатился по кухне. - Ни за что!

- А я и говорила, что ты будешь против, - с некоторым торжеством сообщила Гермиона.

- Думаете, я позволю, чтобы шесть человек рисковали из-за меня жизнью!..

- Поскольку нам это, конечно, впервой... - перебил Рон.

- Это другое! Превращаться в меня...

- Естественно, кому понравится, - серьезно согласился Фред. - Вдруг чего, и мы навсегда останемся тощими очкариками?

Гарри даже не улыбнулся.

- У вас ничего не выйдет, я не дам волосы!

- Ну все, хана плану! - сокрушенно покачал головой Джордж. - Без твоего согласия нам их не раздобыть.

- Ага, нас ведь всего-навсего тринадцать против одного, которому нельзя колдовать... Шансов - просто ноль, - ухмыльнулся Фред.

- Очень смешно, - сказал Гарри. - Обхохочешься.

– Если потребуется, мы применим силу, – пророкотал Хмури. Его волшебный глаз слегка подрагивал в глазнице, глядя на Гарри. – Мы здесь все взрослые и готовы рисковать.

Мундугнус, пожав плечами, скроил морду; волшебный глаз, перекатившись вбок, гневно на него воззрился.

– Хватит спорить. Время на исходе. Давай, парень, нам нужны твои волосы.

– Но это же бред, зачем...

– Зачем? – взревел Хмури. – Поттер, Сам-Знаешь-Кто на тебя охотится и полминистерства на его стороне! Может, он и проглотил утку про тридцатое число, но был бы полным придурком, если б не выставил одного-двух Упивающихся Смертью за тобой слеживаться! Я бы точно так сделал. Да, здесь им тебя не достать, но материнская защита скоро спадет, а местоположение дома им более или менее известно. Так что обманки – наш единственный шанс. Даже Сам-Знаешь-Кому не под силу разделиться на семь частей.

Гарри поймал взгляд Гермионы и тотчас отвел глаза.

– В общем, Поттер... Несколько волосинок, будь любезен.

Гарри посмотрел на Рона. Тот ответил гримаской: мол, давай, все равно не отвертишься.

– Ну! – рявкнул Хмури.

Гарри под взглядами всех присутствующих ухватился за волосы на макушке и дернул.

– Молодец. – Хмури, хромая, подошел к нему и вытащил пробку из фляжки с зельем. – Сюда, пожалуйста.

Гарри бросил волосы в грязное месиво. Зелье вспенилось, задымилось и внезапно стало ярко-золотым.

– Ого, Гарри, а ты на вид повкуснее Краббе и Гойла, – сказала Гермиона, но, заметив, как Рон поднял брови, покраснела и спешно пояснила: – В смысле... Зелье Гойла было как сопля.

– Хорошо, теперь лже-Поттеры. В очередь, пожалуйста, – приказал Хмури.

Рон, Гермиона, Фред, Джордж и Флёр выстроились в ряд перед ослепительно-белой раковиной тети Петунии.

– Одного не хватает, – объявил Люпин.

– Вот он. – Огрид за шиворот поднял Мундугнуса и втиснул его рядом с Флёр. Та демонстративно сморщила нос, отошла и встала между Фредом и Джорджем.

– Я ж просил, мне б в охрану, – буркнул Мундугнус.

– Заткнись, – рыкнул Хмури. – Слизняк бесхребетный! Сто раз объяснял: Упивающимся Смертью нужно поймать Поттера, а не убить. Думбльдор всегда говорил, что Сам-Знаешь-Кто захочет лично прикончить Гарри. Бояться надо как раз охранникам, их жизнь точно под угрозой.

Мундугнуса это не слишком убедило, но Хмури уже достал шесть рюмок, раздал их и разлил всеэссенцию.

– Поехали, дружно...

Рон, Гермиона, Фред, Джордж, Флёр, Мундугнус выпили и разом начали задыхаться, корчиться. Их лица запузырились и принялись менять очертания, как горячий воск. Гермиона и Мундугнус вытянулись, Рон и близнецы съежились, их волосы стали темнеть, а у Гермионы и Флёр – словно бы втягиваться в голову.

Хмури тем временем невозмутимо развязывал тюки. Когда он выпрямился, перед ним стояло шесть задыхающихся Гарри Поттеров.

Фред и Джордж повернулись друг к другу и хором воскликнули:

– Гляньте-ка! Мы одинаковые!

– Не знаю, по-моему, я все-таки симпатичней, – заметил Фред, разглядывая свое отражение в чайнике.

– Ой, – сказала Флёр, посмотревшись в дверцу микроволновой печи. – Билль, не смотги на меня, это какой-то кошмаг.

– Кому одежда велика, берите поменьше. – Хмури указал на первый мешок. – И наоборот. Да, не забудьте очки, в боковом кармане шесть пар. Когда оденетесь, в другом мешке возьмете багаж.

Настоящий Гарри подумал, что, пожалуй, в жизни не видел зрелища безумнее – а он успел навидаться всякого. У него на глазах шесть одинаковых Гарри рылись в тюках, переодевались, цепляли на нос очки, складывали вещи. Ему хотелось потребовать к себе уважения – как легко они выставляют напоказ его тело! Со своим бы небось постеснялись.

– Я так и знал, что Джинни наврала про татуировку, – сказал Рон, оглядев свою голую грудь, а Гермиона, едва надев очки, изрекла:

– Гарри, у тебя и правда ужасное зрение.

Шесть лже-Гарри, одевшись, взяли из второго тюка по рюкзаку и клетке с чучелом совы.

– Отлично, – одобрил Хмури, когда перед ним наконец предстал последний Гарри. – Сейчас разобьемся на пары. Гнус, ты летишь со мной на метле...

– С чевой-то? – буркнул Гарри, стоявший ближе всех к задней двери.

– С того, что за тобой глаз да глаз, – рявкнул Хмури, и его волшебный глаз сверлил Мундугнуса, даже когда сам Хмури уже переключился на другое: – Дальше... Артур и Фред...

– Я Джордж, – обиженно произнес близнец, на которого указывал Шизоглаз. – Неужто нас нельзя различить, даже когда мы оба Гарри?

– Прости, Джордж...

– Вообще-то прикалываюсь: я Фред...

– Хорош мугляка валять! – взорвался Хмури. – Так, второй... Фред, Джордж или кто ты там... В пару к Рему. Мисс Делакёр...

– Флёр со мной на тестрале, – сказал Билл. – Она недолюбливает метлы.

Флёр подошла и встала рядом с женихом, не сводя с него обожающего, рабски покорного взгляда. Гарри от души понадеялся, что такое выражение появляется на его лице в первый и последний раз.

– Мисс Грейнджер с Кингсли тоже на тестрале...

Гермиона, явно успокоившись, ответила на улыбку Кингсли; Гарри знал, что она тоже не очень уверенно держится на метле.

– Значит, мы с тобой, Рон! – Бомс радостно махнула рукой и опрокинула сушилку для кружек.

Рон в отличие от Гермионы приуныл.

– А ты со мной, Гарри. Не возражаешь? – немного озабоченно спросил Огрид. – На мотоцикле, яс’дело, – ни метла, ни тестраль меня не подымут... На сиденье ты со мной не уместись, придется в коляске, лады?

– Отлично, – ответил Гарри не вполне искренне.

– Упивающиеся Смертью наверняка ждут, что ты полетишь на метле, – объяснил Хмури, догадавшись, судя по всему, о чем думает Гарри. – У Злея была уйма времени, чтобы выложить о тебе всю подноготную, все, чего раньше не рассказывал. Так что, если мы и столкнемся с Упивающимися, они, скорее всего, погонятся за тем Поттером, который хорошо сидит на метле. Ну, порядок. – Хмури завязал мешки с вещами и направился к двери. – Три минуты до старта. Дверь запирает незачем: Упивающихся Смертью этим не остановишь... Пошли...

Гарри забрал из прихожей рюкзак, «Всполох» и клетку и вместе с остальными вышел в темный сад. Метлы повскакивали с земли прямым в руки седоков, Кингсли усадил Гермиону на черного тестраля, Билл помогал Флёр. Огрид в защитных очках ждал около мотоцикла.

– Это тот самый? Мотоцикл Сириуса?

– Яс'дело, – просиял Огрид. – И когда мы прошлый раз на нем ездили, ты, Гарри, у меня в ладони помещался!

Сидеть в коляске было как-то стыдно: Гарри сразу оказался на несколько футов ниже других. Как будто ребенок в игрушечной машинке. Рон, увидев его, фыркнул. Гарри положил рюкзак и метлу в ноги, а клетку с Хедвигой поставил между колен. М-да. Ужасно тесно и неудобно.

– Артур тут маленько поколдовал. – Огрид, нисколько не замечая страданий Гарри, оседлал мотоцикл. Тот, хрустнув, просел колесами в землю. – И теперь наша лошадка обучена парочке новых фокусов. Зато это вот – моя придумка.

Огрид толстым пальцем указал на фиолетовую кнопку рядом со спидометром.

– Огрид! Осторожней! – воскликнул мистер Уизли, стоявший неподалеку с метлой в руке. – Я до сих пор не уверен, что ею стоит пользоваться. Но если и да, то лишь в самом крайнем случае.

– Ну что, готовы? – спросил Хмури. – Стартуем одновременно, иначе все наши старания насмарку.

Все оседлали метлы.

– Держись крепче, Рон, – сказала Бомс. Рон виновато глянул на Люпина и обхватил Бомс за талию. Огрид толчком завел мотоцикл. Тот взревел как дракон, и коляска заходила ходуном.

– Удачи всем! – крикнул Хмури. – Встречаемся где-то через час в «Гнезде». На счет три: раз... два... ТРИ!

Мотор оглушительно рыкнул, и коляску неприятно трянуло: они взвились в небо. У Гарри заслезились глаза, ветер растрепал волосы. Мимо неслись вверх метлы, промелькнул длинный черный хвост тестраля. Ноги Гарри, придавленные клеткой и рюкзаком, болели и начинали неметь. Было настолько неудобно, что Гарри забыл бросить прощальный взгляд на дом № 4 по Бирючинной улице, а вспомнив и выглянув из коляски, не сумел различить, с каким из домов полагается прощаться. Они поднимались выше, выше...

И вдруг – из ничего, ниоткуда – их окружили. Минимум тридцать человек в капюшонах повисли в воздухе широким кольцом, в котором оказались ни о чем не подозревавшие члены Ордена...

Крики, зеленые вспышки со всех сторон: Огрид заорал, и мотоцикл перевернулся. Гарри сразу перестал понимать, где они и что происходит. Уличные фонари над головой, отовсюду вопли. Он из последних сил вцепился в коляску. Клетка, «Всполох», рюкзак выскользнули...

– Нет!.. ХЕДВИГА!

Метла штопором полетела вниз, но клетку за кольцо и рюкзак за лямку Гарри успел ухватить – и тут мотоцикл перевернулся как надо. Секунда радости – и новая зеленая вспышка. Сова, пронзительно вскрикнув, упала на дно клетки.

– Нет... НЕТ!

Мотоцикл рванул вперед. Огрид пробил оцепление Упивающихся Смертью – Гарри краем глаза видел, как их раскидало.

– Хедвига... Хедвига...

Сова, жалкая, неподвижная, как игрушка, лежала на полу клетки. Сознание Гарри отказывалось принять ее гибель, ему было смертельно страшно за остальных. Он обернулся. Толчая в воздухе; мелькание зеленых вспышек, две пары людей, улетающих прочь на метлах, – непонятно, кто именно...

– Огрид, поворачивай, поворачивай! – завопил Гарри, перекрывая рев мотора, и выхватил волшебную палочку. Клетку с Хедвигой он втиснул на пол коляски – не

мог поверить, что птица мертва. – ОGRID, НАЗАД!

– Еще чего! У меня приказ! Доставить в целости и сохранности! – ОGRID прибавил ходу.

– Стой... СТОЙ! – закричал Гарри, но, когда посмотрел назад, мимо левого уха пронеслись две зеленые молнии. Четверо Упивающихся Смертью гнались за ними, целясь в широкую спину Огрида. Тот уворачивался, но преследователи не отставали. Вслед мотоциклу летели проклятия, и Гарри вжался в коляску. Затем, изогнувшись, прицелился и крикнул:

– Обомри!

Четверка Упивающихся Смертью распалась, шарахнувшись от красного светового заряда.

– Гарри, держись, сейчас мы им покажем! – взревел ОGRID и толстым пальцем надавил зеленую кнопку рядом с топливомером.

Выхлопная труба извергла стену – настоящую стену из кирпича. Гарри, вытянув шею, увидел, как стена распаивается в воздухе. Трое Упивающихся Смертью успели ее обогнуть, но четвертому повезло меньше. Он исчез из виду, а затем появился под стеной – без сознания стремительно летел вниз вместе с обломками метлы. Один Упивающийся Смертью замедлил ход – очевидно, чтобы спасти соратника, – но и его, и стену поглотил мрак: ОGRID налег на руль и прибавил газу.

Мимо головы Гарри летели убийственные проклятия. Двое оставшихся преследователей целили в Огрида. Гарри послал в ответ сногшибатели. Красные и зеленые вспышки, столкнувшись в воздухе, разлетелись миллионами разноцветных искр, и Гарри нелепо подумал о фейерверках; муглы внизу не знают, что здесь происходит...

– Еще разок, Гарри, держись! – заорал ОGRID, нажимая вторую кнопку.

На сей раз из выхлопной трубы вырвалась гигантская сеть, но Упивающиеся Смертью были готовы – они увернулись, и к тому же из темноты вынырнул

третий, тот, что отстал, подбирая бесчувственного товарища. Теперь они гнались за мотоциклом втроем, непрерывно паля проклятиями.

– Вот я вас! Не уйдешь! Гарри, держись крепче! – ОGRID ладонью плашмя саданул по фиолетовой кнопке.

С животным ревом, который ни с чем не спутаешь, из выхлопной трубы вырвалось раскаленное бело-синее драконье пламя. Мотоцикл, страшно заскрежетав, пулей рванул вперед. Упивающиеся Смертью, раскиданные огнем, куда-то пропали, но в тот же миг Гарри почувствовал, как затряслась коляска: металлические крепления, соединявшие ее с мотоциклом, лопались от большой скорости.

– Нормалек, Гарри! – вопил ОGRID, которого встречным ветром практически распластало навзничь по сиденью. Он уже не управлял мотоциклом, и коляску швыряло из стороны в сторону. – Не бойсь, я в момент починю! – И он выхватил из кармана куртки розовый цветастый зонтик.

– ОGRID! Нет! Лучше я!

– РЕПАРО!

С оглушительным грохотом коляска оторвалась от мотоцикла. По инерции она еще летела вперед, но быстро теряла высоту...

В отчаянии Гарри указал палочкой на коляску и прокричал:

– Вингардиум Левиоза!

Коляска пробкой взмыла вверх и закачалась, будто на воде, – неуправляема, но хоть не падает. Гарри слегка успокоился, но ненадолго: мимо опять понеслись проклятия. Трое Упивающихся Смертью настигали его.

– Я тут, Гарри! Я сейчас! – раздался из темноты вопль ОGRIDа, но коляска снова начала спускаться. Пригнувшись как можно ниже, Гарри направил палочку на преследователей и крикнул:

– Импедимента!

Заклинание ударило в грудь среднему Упивающемуся Смертью, и на миг он, словно шмякнувшись о невидимый забор, нелепо распластался и завис в воздухе, а один из соратников чуть с ним не столкнулся...

Коляска камнем пошла вниз. Очередное проклятие пролетело так близко, что Гарри поспешно пригнулся и о край сиденья выбил зуб...

– Я тут, Гарри, туточки!

Огромная рука за шиворот вытащила Гарри из падающей коляски. Гарри подхватил рюкзак и, подтянувшись, оказался на заднем сиденье мотоцикла спиной к Огриду. Они взвились, прочь от двух Упивающихся Смертью. Гарри выплюнул кровь и, направив палочку вслед коляске, прокричал:

– Конфринго!

Коляска взорвалась, и у Гарри все заболело внутри при мысли о Хедвиге. Ближний Упивающийся Смертью полетел вниз – взрывом его сбросило с метлы, – а напарник повернул назад и тоже растворился во мраке.

– Гарри, прости, прости, – стонал Огрид. – Нечего мне было соваться с починкой... теперь тебе и сидеть негде...

– Все нормально, ты, главное, не останавливайся! – крикнул Гарри в ответ. Из темноты вынырнули и стремительно приближались еще двое Упивающихся Смертью.

Проклятия посыпались градом. Огрид, уворачиваясь, выписывал в воздухе зигзаги. Фиолетовой кнопкой он пользоваться боялся: слишком уж ненадежно держался на сиденье Гарри, который палил сногшибателями, еле сдерживая натиск преследователей. Самый ближний уклонился от порчи-помехи, капюшон соскользнул у него с головы, и в красном свете собственного сногшибателя Гарри узнал странно безучастное лицо Стэнли Самосвальта... Стэна...

– Экспеллиармус! – закричал Гарри.

– Это он! Он! Настоящий!

Колдун в капюшоне вопил так, что слышно было даже сквозь рев мотора. А через секунду оба преследователя развернулись и исчезли.

– Гарри, чего такое?! – заорал Огрид. – Куда они делись?

– Не знаю!

Но Гарри испугался. Упивающийся Смертью крикнул: «Настоящий!» Как он догадался? Гарри тревожно взгляделся в черную грозную пустоту. Где они все?

Он развернулся и сел лицом вперед, вцепившись в куртку Огрида.

– Огрид, давай опять драконье пламя, нужно сматываться!

– Тогда держись крепче!

Грохот, рев, бело-синий огонь. Гарри поволокло назад, Огрида тоже, он едва удержал руль...

– Кажись, оторвались!

Но Гарри не был так уверен и, цепенея от страха, озирался: наверняка преследователи снова появятся... Почему они отстали? У одного еще оставалась волшебная палочка... «Это он... настоящий...» Они догадались сразу после того, как он попытался обезоружить Стэна...

– Мы почти на месте! Почти! – крикнул Огрид.

Гарри почувствовал, что мотоцикл понемногу снижается, хотя огоньки, мерцавшие на земле, были по-прежнему далеки, будто звезды.

И вдруг шрам на лбу Гарри запылал огнем; Упивающиеся Смертью выросли с обеих сторон, и два убийственных проклятия, посланных сзади, миновали его лишь чудом...

А потом Гарри увидел его. Вольдемо́рт парил в воздухе дымным облаком на ветру – без метлы, без тестраля, – и его змеиное лицо светилось в темноте, а белые пальцы поднимали волшебную палочку...

Огрид взвыл от ужаса и ушел в пике. Гарри, изо всех сил цепляясь за его куртку, наугад палил сногшибателями в клубящуюся тьму. Одно заклятие достигло цели: мимо пронеслось бесчувственное тело. А затем – взрыв, из двигателя посыпались искры; мотоцикл, окончательно потеряв управление, устремился вниз...

Замелькали зеленые вспышки; уже непонятно, где земля, где небо. Шрам горел, и Гарри в любую секунду ждал смерти. В считанных футах от них на метле завис человек в капюшоне. Гарри увидел, как он поднимает руку...

– НЕТ!

С неистовым криком Огрид прыгнул с мотоцикла прямо на Упивающегося Смертью. Гарри в ужасе смотрел, как они летят вниз – метла не выдержала такой тяжести...

С трудом сжимая падающий мотоцикл коленями, Гарри услышал крик Вольдеморта:

– Он мой!

Кончено. Гарри не видел, не слышал Вольдеморта, только заметил какого-то Упивающегося Смертью, метнувшегося прочь с дороги, и услышал:

– Авада...

От чудовищной боли во лбу Гарри зажмурился, но тут его волшебная палочка стала действовать сама по себе. Она, как магнитом, подняла и повела в сторону его руку, и сквозь полузакрытые веки Гарри увидел золотую огненную струю. Послышался треск, затем вопль ярости. Упивающийся Смертью закричал. Вольдемо́рт взвыл:

– Нет!

Непонятно как перед носом Гарри очутилась фиолетовая кнопка. Он шваркнул по ней свободной рукой, и мотоцикл, изрыгнув вверх пламя, с бешеной скоростью понесся к земле.

– ОGRID! – позвал Гарри, отчаянно цепляясь за мотоцикл. – ОGRID... Аксио ОGRID!

Мотоцикл все быстрее мчался вниз. Гарри, прильнув к рулю, видел одни лишь стремительно приближающиеся огоньки. Все, сейчас он разобьется, и ничего нельзя сделать. Сзади опять послышался вопль...

– Палочку, Сельвин, дай палочку!

Он почувствовал Вольдеморта раньше, чем разглядел. Повернул голову, встретил его красный взгляд. Вот последнее, что он увидит в жизни: Вольдеморта, который снова готовится его убить...

Но Вольдеморт вдруг исчез. Гарри посмотрел вниз, и оказалось, что он падает прямо на распластанного по земле ОGRIDа. Чтобы избежать столкновения, Гарри рванул руль, ударил по тормозам – и с оглушительным, все вокруг сотрясшим грохотом рухнул в грязный пруд.

Глава пятая

Павший воин

– ОGRID?

Вокруг – обломки металла, ошметки кожаного сиденья... Гарри собрался с силами и попробовал приподняться, но руки увязли в глинистой жиже. Он не понимал, куда исчез Вольдеморт, и в любой момент ждал нападения. Со лба и по подбородку стекало что-то горячее. Гарри выполз из воды и, шатаясь, поковылял к черной бесформенной глыбе на берегу.

– ОGRID? ОGRID, скажи что-нибудь...

Но глыба не шелохнулась.

- Кто здесь? Поттер? Ты - Гарри Поттер?

Мужской голос, незнакомый. Женский крик:

- Они упали, Тед! Упали в сад!

Перед глазами у Гарри все плыло.

- ОGRID, - бессмысленно повторил он и рухнул.

Очнулся он уже на каких-то подушках. Ребра и правую руку жгло огнем. Выбитый зуб вырос заново. Шрам во лбу разрывало от боли.

- ОGRID?

Гарри открыл глаза и увидел, что лежит на диване в незнакомой освещенной гостиной. Рядом на полу валялся его рюкзак, мокрый и грязный.

- С ОGRIDом все в порядке, сынок, - сказал светловолосый пузатый мужчина, встревоженно склоняясь над Гарри. - Жена им сейчас занимается. А ты как? Что-нибудь еще сломано? Ребра, зуб и руку я вылечил. Да, кстати, я - Тед. Тед Бомс - отец Доры.

Гарри сел - слишком резко. В глазах замерцали огни; голова закружилась; затошнило.

- Вольдеморт...

- Тише, тише. - Тед Бомс твердой рукой уложил Гарри обратно. - Ты только после аварии. Что, кстати, случилось? Мотоцикл забарахлил? Опять Артур Уизли чего-то перемудрил?

- Нет, - ответил Гарри. Шрам пульсировал, как открытая рана. - Упивающиеся Смертью... Много... гнались...

– Упивающиеся Смертью? – вскинулся Тед. – Как так? Они ведь не знали, что тебя переправляют сегодня! Я думал...

– Они знали, – сказал Гарри.

Тед Бомс посмотрел в потолок, будто вглядываясь сквозь него в небо.

– Ну а мы зато знаем, что наши защитные чары на месте. Сюда на сто ярдов ниоткуда не подступиться.

Теперь ясно, почему исчез Вольдеморт: мотоцикл пересек границу защитного поля Ордена. Надо надеяться, что оно сохранится... Гарри представил, как в ста ярдах над ними Вольдеморт без толку тычется в огромный прозрачный пузырь.

Гарри спустил ноги с дивана; он должен своими глазами убедиться, что Огрив жив. Однако не успел он встать, как дверь открылась и в проем втиснулся Огрив, окровавленный, грязный, прихрамывающий, но – чудо из чудес! – живой.

– Гарри!

Опрокинув два шатких столика и аспидистру, Огрив в два шага пересек гостиную, сгреб Гарри в охапку и едва не сломал ему ребра снова.

– Вот это да, Гарри, это ж надо ж... Выбрался? Я думал, нам крышка.

– Я тоже. Прямо не верю...

Гарри осекся: он только сейчас заметил женщину, которая вошла в комнату вслед за Огривом.

– Ты! – закричал он и сунулся в карман, но там было пусто.

– Вот твоя палочка, сынок, – сказал Тед, похлопав ею Гарри по руке. – Валялась около тебя, я поднял... А кричишь ты, кстати, на мою жену.

– Ой... Простите...

Чем ближе подходила миссис Бомс, тем меньше становилось ее сходство с сестрой Беллатрикс: волосы светло-каштановые, глаза больше и, главное, добрые. Тем не менее после выходки Гарри держалась она слегка надменно.

- Что с нашей дочерью? – спросила она. – Огрид говорит, вы попали в засаду; где Нимфадора?

- Не знаю, – ответил Гарри. – Мы не знаем про остальных.

Тед с женой переглянулись, и у Гарри внутри все сжалось от страха и раскаяния: если кто-то погиб, виноват он, он один. Зачем согласился на эту авантюру, зачем дал свои волосы...

- Портшлюс! – вдруг вспомнил он. – Нам надо в «Гнездо», мы там выясним... И пришлем известие... Или сама Бомс, как только...

- С Дорой все будет хорошо, Дромедра, – успокоил Тед. – Она свое дело знает, не первый день в аврорах. Бывала в переделках. Портшлюс здесь, – сказал он Гарри. – Отправление через три минуты, если вам интересно.

- Да, конечно. – Гарри вскинул рюкзак на плечо. – Я...

Он смотрел на миссис Бомс и хотел попросить прощения за то, что оставляет ее в такой тревоге, заверить, что он сознает свою ответственность и ему очень, очень жаль, – но все слова, приходившие на ум, казались пустыми и неискренними.

- Я передам Бомс – Доре, – чтобы послала весточку, когда... Спасибо, что подлечили, и за помощь, за все! Я...

Он рад был уйти и вслед за Тедом Бомсом по короткому коридору прошагал в спальню. Огрид вошел следом, сильно пригнувшись, чтобы не удариться головой о косяк.

- Вот, сынок. Портшлюс. – Мистер Бомс показал на маленькую, в серебряной оправе расческу на туалетном столике.

- Спасибо. - Гарри пальцем потянулся к расческе.

- Погоди, - остановил его Огрид, озираясь. - А где Хедвига?

- Ее... убили, - едва сумел выговорить Гарри.

На него вдруг обрушилось осознание ее гибели, и глаза, к его стыду, наполнились слезами. Хедвига была верным товарищем и единственной связью с колдовским миром, когда приходилось возвращаться к Дурслеям.

Огрид гигантской ладонью больно похлопал его по плечу.

- Ничего, - проворчал он. - Ничего. Она хорошую жизнь прожила...

- Огрид! - предостерег Тед Бомс: расческа уже засветилась ярко-синим, и Огрид еле успел прижать к ней палец.

Что-то сильно дернуло Гарри изнутри за пупок и, закрутив, как на невидимой удочке потащило вперед, в пустоту. Палец будто приклеился к портшлюсу. Гарри и Огрида унесло прочь от мистера Бомса, а секундой позже ноги Гарри ударились о землю, и он рухнул на четвереньки во дворе «Гнезда». Послышались крики. Гарри отбросил потухшую расческу, встал, слегка пошатываясь, и увидел, как из задней двери выбегают миссис Уизли и Джинни, а рядом грузно поднимается с земли Огрид.

- Гарри? Ты настоящий? Что случилось? Где все? - кричала миссис Уизли.

- А что? Еще никто не вернулся? - задыхаясь, спросил Гарри.

Ответ был предельно ясен - так побледнела миссис Уизли.

- Упивающиеся Смертью нас ждали, - сказал Гарри. - Окружили сразу, еще на старте... Как-то вывели, что переброска сегодня... И мне ничего не известно про остальных. За нами гнались четверо, мы еле спаслись, а потом появился Вольдеморт...

Он явственно слышал в своем голосе самооправдание, мольбу понять, почему он ничего не знает о судьбе ее сыновей, но...

– Какое счастье, что ты цел! – Миссис Уизли обняла его, но ему казалось, что он такого не заслуживает.

– Молли, у тебя, случаем, бренди нет? – надтреснутым голосом поинтересовался Огрид. – Подлечиться?

Она могла бы призвать бренди колдовством, но поспешила к кособокому домику сама. Прячет лицо, догадался Гарри. Он повернулся к Джинни, и та сразу ответила на его безмолвный вопрос:

– Рон и Бомс должны были вернуться первыми, но не успели к портшлюсу, он пришел без них. – Она указала на валяющуюся поблизости ржавую масленку с носиком. – А это, – она кивнула на парусиновую туфлю, – по идее папа и Фред, им полагалось вернуться вторыми. Вы с Огридом третьи и, – Джинни глянула на часы, – Джордж с Люпином, если все сложится, должны быть здесь примерно через минуту.

Миссис Уизли вернулась и вручила Огриду бренди. Тот вытащил пробку и опустошил бутылку залпом.

– Мама! – закричала Джинни и ткнула пальцем в синюю точку, засветившуюся во мраке. Та становилась больше, ярче, и скоро они увидели Люпина и Джорджа, которые, вращаясь, плюхнулись на землю. Гарри сразу понял: что-то не так. Люпин поддерживал Джорджа – тот был без сознания, лицо все в крови.

Гарри подбежал, подхватил его за ноги. Вместе с Люпином они занесли Джорджа через кухню в гостиную и положили на диван. Свет лампы упал на голову раненого, и Джинни в ужасе охнула, а у Гарри подвело живот: у Джорджа было оторвано ухо. Полголовы и шея влажно, жирно блестели от алой крови.

Миссис Уизли склонилась над сыном, а Люпин схватил Гарри за плечо и грубо выволок обратно в кухню, где Огрид никак не мог протиснуться в заднюю дверь.

– Эй! – негодуя крикнул великан. – Пусти-ка его! Отпусти Гарри!

Люпин не обратил на него ни малейшего внимания.

- Что за существо сидело в углу, когда Гарри Поттер впервые зашел в мой кабинет в «Хогварце»? - спросил он, встряхнув Гарри. - Отвечай!

- За... загрыбаст в аквариуме?

Люпин отпустил его и прислонился к буфету.

- Что за шуточки? - возмутился Огрид.

- Прости, Гарри, я должен был проверить, - отрывисто объяснил Люпин. - Среди нас предатель. Про сегодняшнюю переброску Вольдеморту мог узнать только от тех, кто лично участвовал в разработке плана. Вдруг бы ты оказался не ты, а самозванец?

- А меня чего ж не проверяешь? - пропыхтел Огрид, так пока и не одолев дверной проем.

- Ты полугигант, - ответил Люпин. - А всеэссенция действует только на людей.

- Никто из Ордена не мог нас предать, - сказал Гарри. Самая мысль об этом ужасала: он не мог себе такого представить. - Вольдеморту настиг меня только под конец - вначале он не понимал, за кем гнаться. А если б его посвятили в план, он знал бы, что я лечу с Огридом.

- Вольдеморту тебя преследовал? - напрягся Люпин. - Как? Что случилось? Как вы спаслись?

Гарри коротко рассказал, как Упивающиеся Смертью узнали его, а потом отстали и, очевидно, вызвали Вольдеморта, который появился, когда до защищенного дома родителей Бомс было уже рукой подать.

- Они тебя узнали? Но как? Что ты сделал?

- Я... - Гарри мучительно задумался; страшный полет вспоминался словно в тумане паники и сумятицы. - Я увидел Стэна Самосвальта... кондуктора

«ГрандУлета», помните? И попытался его обезоружить, а не... Но он ведь не понимал, что творит. Он наверняка под проклятием подвластия.

Люпин уставился на него в ошеломлении:

– Обезоружить? Гарри, те времена прошли! Тебя хотят поймать и убить! Если не готов убивать, хотя бы сшибай!

– Мы были очень высоко! А Стэн не в себе, и если б я его сшиб, он бы упал и разбился – чем это лучше «Авада Кедавра»? И кстати, «экспеллиармус» два года назад прекрасно спас меня от Вольдеморта, – вызываяще добавил Гарри. Люпин напомнил ему нагловатого хуффльпуффца Захарию Смита: тот тоже насмеялся, когда Гарри обучал «Думбльдорову армию» разоружному заклятию.

– Да, – с видимым трудом сохраняя спокойствие, ответил Люпин. – И многие Упивающиеся Смертью это видели! Прости, но это и тогда было странновато – под угрозой гибели-то. А поступить так снова на глазах людей, которые знают или слышали о том случае, – в сущности, просто самоубийство!

– Что же мне, надо было убить Стэна? – сердито буркнул Гарри.

– Конечно нет, – ответил Люпин. – И все-таки Упивающиеся Смертью – да, честно говоря, кто угодно, – ждали бы от тебя ответа посерьезнее! «Экспеллиармус» – заклинание бесспорно полезное, но наши враги, наверное, уже думают, что ты ничего другого и не умеешь! И я настоятельно прошу тебя – не допусти, чтоб они оказались правы!

Гарри почувствовал себя идиотом, но гнев его еще не остыл.

– Я не стану убивать людей просто так, только чтобы смести их с пути, – заявил он. – Это по Вольдеморовой части.

Люпин хотел возразить, но тут под Огридом, который наконец протиснулся в дверь и сел, обвалился стул. Гарри, не обращая внимания на его извинения и ругательства, спросил Люпина:

– Джордж поправится?

Люпин сразу перестал злиться.

- Надеюсь. Хотя шансов восстановить ухо нет: его ведь отрезало проклятием...

Снаружи послышался шум. Люпин кинулся к двери. Гарри, перепрыгнув через ноги Огрида, выбежал во двор.

Там появились двое. Гарри кинулся к ним и на бегу понял, что это Гермиона, постепенно принимающая свое нормальное обличие, и Кингсли. Оба держались за погнутую вешалку. Гермиона бросилась обнимать Гарри, зато Кингсли не выказал никакой радости встречи. Поверх плеча Гермионы Гарри увидел, что Кингсли выхватил волшебную палочку и нацелил ее в грудь Люпина.

- Последние слова, которые сказал нам с тобой Альбус Думбльдор?

- «Гарри – наша главная надежда. Верьте ему», – спокойно ответил Люпин.

Кингсли направил палочку на Гарри, но Люпин сказал:

- Это он, он! Я проверил.

- Ладно, ладно. – Кингсли убрал палочку в карман плаща. – Но кто-то нас предал! Они знали, знали про сегодня!

- Похоже на то, – отозвался Люпин, – но, судя по всему, не догадывались, что Гарри будет семеро.

- Слабое утешение! – огрызнулся Кингсли. – Кто уже вернулся?

- Только Гарри с Огридом и мы с Джорджем.

Гермиона прикрыла рот рукой, подавляя стон.

- Что было у вас? – спросил Люпин.

– Нам на хвост сели пятеро. Двое ранены, один, возможно, убит, – доложил Кингсли. – А еще мы видели Сам-Знаешь-Кого. Появился где-то на полпути, но довольно быстро исчез. Рем, он умеет...

– Летать, – закончил за него Гарри. – Я тоже его видел, он преследовал нас с Огридом.

– Так вот куда он делся: погнался за вами, – сказал Кингсли. – А я все не мог понять, почему он отвалился. Но с чего вдруг?..

– Гарри слишком церемонился со Стэном Самосвальтом, – объяснил Люпин.

– Со Стэном? – повторила Гермиона. – Я думала, он в Азкабане?

Кингсли безрадостно рассмеялся:

– Явно был массовый побег, но министерство о нем помалкивает. По идее и Трэверс в тюрьме, а я его видел – у него капюшон слетел от моего проклятия. Но вы-то как, Рем? Где Джордж?

– Остался без уха, – сообщил Люпин.

– Что?.. – ахнула Гермиона.

– Спасибо Злею, – сказал Люпин.

– Злею?! – вскричал Гарри. – Вы не говорили...

– Во время погони у него упал капюшон. И «сектумсемпра» – его коронный номер. Рад бы сказать, что сполна ему отплатил, но увы: я только и сумел, что удержать Джорджа на метле, он слишком быстро терял кровь.

Все четверо замолкли и устремили глаза к небу. Никакого движения. Только звезды, безразличные, немигающие – и хоть бы часть из них заслонили силуэты друзей! Где Рон? Где Фред с мистером Уизли? Где Билл, Флёр, Бомс, Шизоглаз, Мундугнус?

– Гарри, помоги-ка! – сипло позвал Огрид, который опять застрял в двери. Гарри, радуясь хоть какому-то занятию, подтолкнул его, а потом через пустую кухню прошел в гостиную. Миссис Уизли и Джинни хлопотали над Джорджем. Миссис Уизли остановила кровотечение, и в свете лампы Гарри увидел в голове Джорджа зияющую дыру.

– Как он?

Миссис Уизли обернулась.

– Ухо не вернуть – это черная магия. Но могло быть куда хуже... Главное, он жив.

– Да, – сказал Гарри. – Главное.

– Во дворе кто-то еще, да? – спросила Джинни.

– Гермиона и Кингсли, – подтвердил Гарри.

– Хвала небесам, – прошептала Джинни. Они посмотрели друг на друга. Гарри захотелось обнять ее, прижать к себе, и его не смущало даже присутствие миссис Уизли, но он не успел поддаться чувствам – в кухне что-то оглушительно затрещало.

– Я докажу тебе, кто я, Кингсли, но сначала увижу своего сына, а пока прочь с дороги, если жизнь дорога!

Гарри впервые слышал, чтобы мистер Уизли так кричал. Блестя потной лысиной, в перекошенных очках, тот ворвался в гостиную, а следом влетел Фред – оба бледные, но невредимые.

– Артур! – зарыдала миссис Уизли. – Благодарение небу!

– Как он? – Мистер Уизли упал на колени возле Джорджа.

Впервые на памяти Гарри Фред не находил слов. Он молча смотрел поверх диванной спинки на своего близнеца и, видимо, никак не мог поверить глазам.

Появление брата и отца разбудило Джорджа. Он зашевелился.

- Как себя чувствуешь, милый? - шепотом спросила миссис Уизли.

Джордж коснулся пальцами головы и пробормотал:

- Безунчиком.

- Что это с ним? - встревожился Фред. - Головой повредился?

- Бывает в жизни безуха. - Джордж открыл глаза и посмотрел на брата. - А у меня безуха... Дотумкал, тупица?

Миссис Уизли расплакалась пуще прежнего. Побелевшее лицо Фреда вновь начало покрываться румянцем.

- Позорище, - укорил он Джорджа. - Стыдоба! В мире миллион шуток про уши, а ты выбрал самую убогую?

- Что уж теперь. - Джордж улыбнулся заплаканной матери. - Зато ты, мам, наконец-то сможешь нас различать. - Он огляделся. - Привет, Гарри... Ты ведь Гарри?

- Да, - ответил Гарри, подходя ближе.

- Хорошо хоть ты добрался благополучно, - сказал Джордж. - А где Рон и Билл? Почему не толпятся у постели больного?

- Они еще не вернулись, - ответила миссис Уизли, и улыбка исчезла с лица Джорджа.

Гарри посмотрел на Джинни и кивнул на дверь.

В кухне Джинни тихо произнесла:

– Рон и Бомс должны бы уже появиться. От тети Мюриэль до нас совсем недалеко.

Гарри молчал. До сей минуты ему кое-как удавалось сдерживать страх, но теперь тот одолел его, полз по коже, пульсировал в груди, не давал дышать. Они вышли во двор, в темноту, и Джинни взяла Гарри за руку.

Кингсли ходил взад-вперед и при развороте каждый раз взглядывал на небо. Гарри вспомнил, как когда-то, миллион лет назад, точно так же вышагивал по гостинной дядя Вернон. ОGRID, Гермiona, Люпин стояли плечом к плечу, молча, напряженно устремив глаза вверх. Подошедших Гарри и Джинни никто словно и не заметил.

Минуты медленно превращались в года. При малейшем дуновении ветра все вздрагивали, а на шелест куста или дерева оборачивались с надеждой – вдруг оттуда, целый и невредимый, выскочит кто-нибудь из членов Ордена?..

Внезапно прямо над их головами появилась метла, стремительно приближавшаяся к земле...

– Они! – закричала Гермiona.

Бомс приземлилась долгим юзом, фонтаном разбрасывая за собой землю и камешки.

– Рем! – Отбросив метлу, Бомс кинулась в объятия Люпина. Тот был бледен и, казалось, от волнения онемел. Еле живой Рон поплелся к Гарри и Гермione.

– Вы целы, – пробормотал он.

Гермiona бросилась к нему и крепко прижала к себе:

– Я думала... думала...

– Со мной все в порядке, – успокаивал Рон, похлопывая ее по спине. – Все отлично.

– Рон молодец, – с чувством сказала Бомс, отравшись от Люпина. – Настоящий герой. Сшиб Упивающегося Смертью, прямо по башке попал, а с летящей метлы по движущейся цели...

– Правда? – Гермиона, обнимая Рона за шею, посмотрела на него изумленно.

– А тебя это, как всегда, удивляет? – ворчливо отозвался он и высвободился. – Мы последние?

– Нет, – ответила Джинни. – Еще ждем Билла с Флёр и Шизоглаза с Мундугнусом. Рон, я пойду скажу родителям, что с тобой все хорошо...

Она убежала в дом.

– Почему вы так задержались? Что случилось? – чуть ли не со злостью спросил Люпин у Бомс.

– Беллатрикс, – пояснила та. – Я ей нужна не меньше, чем Гарри, Рем, она очень старалась меня убить. Ничего, я до нее доберусь... За мной должок. Зато мы совершенно точно ранили Родольфа... Потом добрались до тети Мюриэль, только опоздали к портшлюсу, а она так суетилась...

У Люпина ходили желваки. Он кивал, но говорить не мог.

– Ну а у вас всех что? – спросила Бомс у остальных.

Те пересказали свои истории, но чем дольше не было Билла, Флёр, Шизоглаза и Мундугнуса, тем сильнее их всех, словно траву морозом, сковывало ледяным страхом, тем трудней становилось его не замечать.

– Я уже час как должен вернуться на Даунинг-стрит. Пойду, – сказал наконец Кингсли, в последний раз оглядев небо. – Дайте знать, когда они будут здесь.

Люпин кивнул. Кингсли, попрощавшись, направился к воротам и скрылся во тьме. Гарри показалось, что из-за забора донесся характерный тихий хлопок: Кингсли дезаппарировал.

Кінець ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Пер. Вяч. Иванова.

Купити: <https://telnovel.com/dzhoan-rouling/garri-potter-i-dary-smerti>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)